

Geograficheskoe obshchestvo SSSR
Viestnik

ВѢСТНИКЪ

ч. 28

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА

О. Г. ТЕРНЕРА.

1860.

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.

1860.

SK

II.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

И Н О Р О Д Ц Ы,

ОБИТАЮЩІЕ ВЪ ТУРУХАНСКОМЪ КРАѢ.

Инородцы, обитающіе въ Туруханскомъ краѣ, составляютъ вдвое болѣе всего населенія. Ихъ, по образу жизни, можно раздѣлить на два отдѣла: бродячихъ и осѣдлыхъ. Подъ именемъ бродячихъ въ законодательномъ смыслѣ разумѣются тѣ инородцы, которые непрерывно перемѣняютъ мѣста своего жительства, не останавливаясь нигдѣ на продолжительное время, но такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ въ разныя времена опредѣленные мѣста жительства, т. е. не ведутъ постоянной бродячей жизни, останавливаясь болѣе продолжительно на извѣстныхъ озерахъ и урочищахъ, то они будутъ составлять нѣчто среднее между бродячими и осѣдлыми, или, принятый законоположеніемъ, отдѣлъ кочевыхъ, хотя не въ прямомъ смыслѣ его.

Осѣдлые живутъ на постоянныхъ мѣстахъ жительства домами, или избами. Жилища бродячихъ, чумъ, который дѣлается изъ оленьихъ кожъ, или бересты, растягиваемыхъ на шестахъ, поставленныхъ конусообразно, и который удобно и скоро снимается съ мѣста и вновь становится. Кочевые обитаютъ въ юртахъ, или балаганахъ только зимою, устраи-

ваемыхъ изъ мелкихъ бревешекъ, забиваемыхъ для тепла, землею и снѣгомъ и послѣ забрасываемыхъ хворостомъ; а оседлые строятъ деревянные курныя избы съ печами.

Къ бродячимъ племенамъ принадлежать:

а) *Тунгусы*, раздѣляемые на нѣсколько родовъ, или управъ: Подкаменно - Тунгускій, Нижне - Чумскій, Илимпейскій, Чапогирскій, Усть-Тырыжскій, 1, 2, 3 и 4-хъ лѣтній и Боганидскій. Подкаменно-Тунгускій родъ, оставшійся нынѣ въ небольшомъ числѣ, до 65 чезовѣкъ обоого пола, бродить и имѣеть свои промыслы по Подкаменной Тунгускѣ, будучи приписанъ къ Подкаменно-Тунгускому казенному магазину, гдѣ и получаетъ хлѣбъ. Слѣдующихъ четырехъ родовъ и перваго лѣтняго рода Тунгусы, съ исконн бродили по всему протяженію Нижней Тунгуски, впадающихъ въ нее рѣкъ съ правой стороны и озеръ, откуда они берутъ свои начала, т. е. занимали всю мѣстность отъ Енисея до границы края къ востоку и отъ Нижней Тунгуски къ сѣверу, въ ту и другую стороны, болѣе нежели по 1000 вер. Тогда всѣ эти роды составляли въ совокупности большія племена, для которыхъ и было учреждено по Тунгускѣ, четыре подвижныхъ магазиновъ: Усть-Тырыжскій, Нижне-Чумскій, Таймурскій и Тайминскій, на протяженіи 1200 верстъ. Въ послѣдствіи, когда число Тунгусовъ, по разнымъ причинамъ и по удаленію ихъ, особенно Илимпейской и Усть-Тырыжской управъ (до 200 д. муж. пол.) въ глубь Туруханскаго края, къ озеру Есейскому, уменьшилось, а Нижне-Чумскіе Тунгусы (40 д. муж. пол.), стали входить съ своею промысловою добычею на Енисей и здѣсь, изъ Баихинскаго магазина, довольствоваться хлѣбомъ, къ которому послѣ и причислены, остались на Тунгускѣ только Чапогирская и часть 4-хъ лѣтней управы, съ двумя магазинами для нихъ, Таймурскимъ и Тайминскимъ, соединенныхъ вмѣстѣ въ 600 — 700 вер. отъ Туруханска и, наконецъ, когда и изъ оставшихся Тунгусовъ, также многіе послѣдовали за своими сородичами и магазины, Таймурскій и Тайминскій переведены на устьѣ рѣкъ Лѣтней и Сѣверной, только въ 130 вер. отъ Туруханска, осталось обитателями Тунгуски небольшое число Тунгусовъ. Тунгусы Илимпейскіе и Усть-Тырыжскіе, обратившись къ постояннымъ промысламъ въ верховьяхъ рѣчекъ, впадающихъ въ Тунгуску, и на озерахъ Есейскомъ, Войволи и другихъ, пользуются хлѣбомъ и всѣмъ нужнымъ для себя у Якутовъ, также живущихъ на Есейскомъ озерѣ и пріѣзжающихъ изъ Якутской области, оставивъ вовсе магазины по Тунгускѣ. Нынѣ считается Тунгусовъ Нижне-Чумскаго рода, съ присоединеніемъ къ нему 1-го лѣтняго, муж. пол. 40, жен. 30 душ. Илимпейскаго муж. 188, жен. 161 душ., Чапогирскаго муж. 165, жен. 144 душ. и Усть-Тырыжскаго 36

муж. и 23 жен. душ. Большая половина Тунгусовъ 4-хъ лѣтней управы, 62 муж. п. и 64 жен. п., зимуютъ постоянно на озерахъ Хантайскомъ и Сухарихѣ, находящихся въ Дубинскомъ участкѣ, по лѣвую сторону Енисея, и не въ дальнемъ отъ него разстояніи, довольствуясь хлѣбомъ изъ близъ лежащихъ магазиновъ Карасинскаго и Плахинскаго, а другая половина на озерѣ Мундуйскомъ.

Тунгусы 2-го лѣтняго рода, до 82 муж. п. и 73 жен. п. душ. причисленные къ Авамскому магазину за тундрю, въ 500 вер. отъ Енисея, бродятъ съ апрѣля до ноября мѣсяца для рыболовли и промысла оленей, по мѣстностямъ, лежащимъ къ югу, отъ Авама до Есейскаго озера, гдѣ ведутъ торгъ на свои промысла съ Якутами, а въ ноябрѣ выходятъ къ Авамскому магазину и тутъ въ ближайшихъ мѣстностяхъ добываютъ песцовъ. Тунгусы 3-го лѣтняго рода, 52 муж. п. и 29 жен. п., обитаютъ по рѣчкамъ Дудиной, Норильской и другихъ до Пясинскаго округа и, преимущественно, на Норильскихъ озерахъ, въ мѣстностяхъ уже извѣстныхъ намъ. Они приписаны къ Дудинскому магазину, изъ котораго и довольствуются хлѣбомъ.

Тунгусы 1-го лѣтняго рода обитаютъ по однимъ мѣстностямъ съ Карасинскими Остяками, именно по рѣкѣ Лѣтней-Курейкѣ, а также по озерамъ Хантайскому и Сухарихѣ, и озеру Мундуйскому, и, наконецъ, Тунгусы, Боганидской управы, 54 муж. пол. и 41 жен. пол., приписанные къ Савинскому магазину, за тундрю, далѣе Авамскаго 250 верстами бродятъ по рѣкѣ Боганидѣ и прилегающимъ къ ней мѣстностямъ, озерамъ и рѣчкамъ.

б) *Доманы* (*). Они состоятъ изъ родовъ Долгано - Тунгускаго, Долгано-Жиганскаго и Долгано - Есейской Тунгуской управы. Долгано-Тунгускій и Долгано-Жиганскій роды, 169 душ. муж. пол. и 150 жен. пол., имѣютъ свои промысла и почти постоянное жительство въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ и Тунгусы 3-го лѣтняго рода, т. е. по рр. Дудиной, Норильской и, особенно, на Норильскихъ озерахъ, состоя причисленными по полученію казеннаго хлѣба къ Дудинскому магазину. Этихъ инородцевъ, по образу жизни ихъ, болѣе постоянному, нежели бродячему, можно причислить къ разряду кочевыхъ. Долганы, Долгано-Есейской Тунгуской управы, 209 муж. и 161 жен. чел., бродятъ и имѣютъ свои промысла въ разныхъ мѣстностяхъ, между Хатангою и

(*) Долганъ обыкновенно безразлично причисляютъ къ Тунгусамъ подъ особыми родами ихъ; но мы дали имъ значеніе отдѣльнаго племени, лишь соплеменнаго Тунгусамъ, какъ Юраки Самоѣдамъ, основываясь на указаніяхъ ученыхъ Академиковъ Бера, Кеппена и Миддендорфа.

Анабарою и около магазиновъ Савинскаго и Хатангскаго, къ которымъ состоятъ причисленными.

в) *Остяки* Подкаменно-Тунгуской, Верхнеинбатской, Нижнеинбатской и Баихинской управъ, Карасинскаго рода и Тымско-Караконской орды, составляющіе всѣ одно племя, но раздѣляющіеся, по мѣсту жительства своего, на разные роды, или орды и каждое подъ отдѣльнымъ управленіемъ, именуемымъ управою. Остяки Подкаменно-Тунгуской управы, муж. пол. 44 и жен. пол. 21 душ., бродятъ по Подкаменной Тунгускѣ и впадающимъ въ нее рѣчкамъ. Остяки Верхнеинбатской и Нижнеинбатской управъ, числомъ муж. пол. 435 душ. и жен. пол. 321 душ., бродятъ по обѣимъ сторонамъ Енисея и впадающихъ въ него рѣчекъ, на пространствѣ между Туруханскомъ и Енисейскимъ округомъ. Определенныхъ пунктовъ для промысловъ они не имѣютъ; но первые усвоили себѣ звѣриные промыслы въ лѣсахъ, и рыбные по Енисею и рѣчкамъ между Верхнеинбатскомъ и Подкаменною Тунгускою, а вторые отъ Верхнеинбатска до Туруханска и причислены, по полученію казеннаго хлѣба, къ находящимся здѣсь запаснымъ магазинамъ. Остяки Баихинской управы (*), 129 душ. муж. пол. и 74 жен. пол., бродятъ и имѣютъ всегдашніе промыслы свои по обѣимъ сторонамъ рѣки Турухана, на протяженіи 400 вер. отъ устья его, и впадающимъ въ него рѣчкамъ: Блудной, Баихѣ, Маковихѣ и др. Для нихъ учрежденъ особый магазинъ на устьѣ рѣчки Баихи, въ 200 — 250 верстахъ отъ Туруханска. Остяки Карасинскаго рода, 46 душ. муж. пол. и 35 душ. жен. пол., имѣютъ зимою свои, почти постоянныя, жилища по рѣчкѣ Лѣтней Курейкѣ и около озера Мундуйскаго, въ урочищахъ которыхъ находятся и звѣриные промыслы, и по этому они могутъ быть причислены къ разряду кочевыхъ; считаются же приписанными къ магазину Карасинскому. Остяки Тымско-Караконской орды, муж. пол. 269 душ. и жен. пол. 211 душ., имѣютъ свои жилища по рѣчкѣ Тазу и впадающимъ въ него рѣчкамъ: Кудасеѣ, Тымкѣ, Караконкѣ, Покаткѣ и другимъ, и близь озеръ, находящихся въ мѣстности этой, на протяженіи въ длину по Тазу около 400 вер. Какъ жилища инородцевъ этихъ, приписныхъ къ магазину у церкви на Тазу, также болѣе или менѣе постоянны зимою на извѣстныхъ мѣстахъ, перемѣняемыхъ лишь иногда по какой либо надобности, то и ихъ можно причислить къ кочевымъ.

г) *Самоды*. Это обширное и болѣе зажиточное племя инородцевъ состоитъ изъ родовъ: Хантайскаго, Карасинскаго, Авамскаго и Вадѣв-

(*) По 10 переписи показано Остяковъ Баихинскихъ муж. п. 117 и жен. 91 душ. какъ и должно быть по справедливости. Но такъ какъ всѣхъ свѣдѣній по этой переписи объ инородцахъ еще не имѣлось въ виду, то они значатся по 9-й.

скаго. Хантайскіе и Карасинскіе Самоѣды, 146 муж. пол. и 109 жен. пол. (*), приписные къ Лузинскому и Плахинскому магазинамъ, бродятъ около этихъ магазиновъ въ общихъ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Енисею, удаляясь для зимнихъ промысловъ въ глубь тундры не далѣе, впрочемъ, 300 верстъ, а лѣтомъ промышляютъ рыбу или въ близъ лежащихъ озерахъ, или болѣе въ самомъ Енисеѣ, выходя въ извѣстное время и на пески по берегамъ Енисея, ниже Толстаго Носа, когда туда приплываютъ Енисейскіе рыбопромышленники. Тѣже, которые не имѣютъ оленей, постоянно живутъ на Норильскихъ озерахъ, питаются рыбою и приготовляя ее въ прокъ, и только отходятъ не далеко въ ближайшія тундры за промысломъ дикихъ оленей, птицы и песцовъ. Авамскіе Самоѣды, 202 муж. пол. и 242 жен. пола, владѣющіе большими стадами оленей, совершаютъ свои промысловые вояжи на обширномъ пространствѣ отъ береговъ Енисея, или отъ Дудинской чрезъ тундру, мимо Пясинскаго озера, на Авамъ до самыхъ береговъ Ледовитаго океана, или на устьѣ рѣкъ Таймуры и Пясиной, гдѣ и занимаются лѣтомъ поколкою оленей, а зимою промышляютъ ихъ во время своихъ переходовъ повсемѣстно; рыбными же промыслами они не занимаются. Причина столь обширныхъ переходовъ Авамскихъ Самоѣдовъ заключается въ томъ, что они, будучи причислены къ Дудинскому магазину, должны въ извѣстное время являться сюда для сдачи ясака, а подъ этимъ предлогомъ составляютъ временныя станціи, по всему пространству отъ Авама до Дудинской на 600 вер., для проѣзда за тундру и обратно чиновниковъ мѣстнаго управленія. Такимъ образомъ во время зимы Авамскіе Самоѣды располагаются по одному направленію на нѣсколькихъ стахъ верстахъ, занимаясь въ то же время промысломъ дикихъ оленей, а лѣтомъ группируются всѣ на рр. Таймуръ или Пясиной въ разныхъ мѣстахъ.

Вадѣевскіе Самоѣды, 47 душ. муж. и 66 душ. жен. пол., приписные къ Савинскому магазину, промышляютъ въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ нему и почти тамъ же, гдѣ и Боганидскіе Тунгусы.

Хотя, по уставу объ инородцахъ, для каждаго рода должны быть опредѣлены земли полосами, которыя и составляютъ собственность, не прикосновенную для другихъ; но этого въ Туруханскомъ краѣ не сдѣлано, по обширности земель, и бродячіе инородцы, по образу своей жизни, ходятъ для промысловъ свободно по всему пространству края

(*) Число Самоѣдовъ въ официальныхъ свѣдѣніяхъ показывается вообще меньше, чѣмъ, какъ кажется, въ дѣйствительности, отъ затруднительности, вѣроятно, сдѣлать имъ вѣрный учетъ по обширности пространствъ, гдѣ они бродятъ.

и, даже, въ сосѣдственныя Тобольскую и Иркутскую губерніи и Якутскую область, равно взаимно и ихъ бродячимъ племенамъ, дозволяется промышлять тутъ. Бродячій инородецъ вездѣ находитъ пріютъ, гдѣ есть добыча для промысла, и только обязанъ хотя одинъ разъ въ годъ являться на свое сугланное, или сборное мѣсто для платежа ясака и другихъ какихъ либо надобностей.

д) *Юраки* состоятъ изъ двухъ управъ: Тазовской орды и Берегового рода. Первые до 420 душ. об. пол., имѣютъ свои промысла въ двухъ отдѣльных мѣстностяхъ: одни, около 300 душ. об. пол., бродятъ по Тазу и впадающимъ въ него рѣчкамъ, ниже жилищъ Тымско-Караконскихъ Остяковъ, или магазина у церкви, достигая съ одной стороны до береговъ Ледовитаго океана, съ другой до Енисея; другая же часть ихъ около 120 душ. об. пол., хотя также считаются въ одной управѣ и состоятъ приписными къ одному магазину на Тазу у часовни, но даже съ издавна имѣютъ свои промысла по Енисею, около Плахинскаго магазина, гдѣ и довольствуются хлѣбомъ, и по этому эти послѣдніе желали бы, во избѣжаніе разныхъ затрудненій во внутреннемъ управленіи своемъ и начетовъ по магазинамъ, отдѣлиться отъ своихъ сородичей, съ образованіемъ особой управы. Небольшая орда Юраковъ Береговой управы, 37 муж. и 30 жен. пол. приписанная къ Толсто-новскому магазину, самому послѣднему въ низовьяхъ Енисея, въ 800 вер. отъ Туруханска, имѣетъ свои промысла въ этихъ мѣстностяхъ, преимущественно по лѣвую сторону рѣки (*).

Оседлые инородцы въ Туруханскомъ краѣ одни только *Якуты*. Они состоятъ изъ двухъ управъ: Шорохинской и Нижне-Затундринской. Первые 14 муж. и 14 жен. пол., имѣютъ постоянное жительство въ деревнѣ Шорохиной, на правой сторонѣ Енисея, въ 30 вер. отъ Туруханска, вмѣстѣ съ Русскими, утративъ совершенно не только свой народный языкъ и характеръ, но и самый наружный типъ и усвоивъ всѣ обычаи Русскихъ, съ которыми почти вполне слились, и по этому весьма справедливо желаютъ уничтоженія особаго инородческаго управленія, существующаго нынѣ у нихъ, и обращенія въ званіе обыкновенныхъ поселянъ, какъ они и есть въ дѣйствительности. Якуты Нижне-Затундринской управы, числомъ 234 муж. и 238 жен. пол. приписанные къ Хатангскому магазину, составляютъ преобладающее населеніе по

(*) Юраки эти при извѣстіи, что жители Низоваго участка желали бы переселиться далѣе Дудиной очень охотно сами изъявили желаніе причислиться къ Дудинскому магазину, для полученія оттуда хлѣба. И это желаніе ихъ вполне заслуживаетъ уваженія, даже если бы не состоялось переселеніе жителей Низоваго участка.

рр. Хетѣ, Поповаго, Окѣ, Хатангѣ и Анабарѣ, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ между этими послѣдними рѣками, гдѣ они живутъ въ деревянныхъ домахъ, занимаясь рыбнымъ и звѣринымъ промыслами вблизи своихъ жилищъ, и только нѣкоторые изъ нихъ удаляются въ глубь тундры или для поимки оленей, или добычи песцовъ.

Вообще же характеръ земель, обитаемыхъ инородцами, таковъ: занимаемыя Шорохинскими Якутами, Остяками Верхне и Нижне-Инбатскими, Карасинскими, Баихинскими и Тымско-Караконскими, Долганами Тунгускаго и Жиганскаго родовъ, Тунгусами Нижне-Чумскаго съ присоединеннымъ къ нему 1-мъ лѣтнимъ родомъ, Илимпейскими, Чапогирскими, Усть Турыжскими, 4-го лѣтняго рода—изобилуютъ хвойными лѣсами и мѣстами лишь встрѣчаются небольшія, безлѣсныя тундры, также множествомъ озеръ и рѣчекъ, весьма рыбныхъ; напротивъ же, занимаемая Нижне-Затундринскими Якутами, Тазовскими и Береговыми Юраками, всѣми племенами Самоѣдовъ, Туягусами 2 и 3-го лѣтняго родовъ и Боганидскими и Долганами Есейской управы—малолѣсны, тундристы, болотисты, но еще болѣе изобильны озерами и рѣчками, наполненными рыбою, доставляющею обезпеченную пищу. И потому, по характеру мѣстностей этихъ, главные промыслы инородцевъ—рыбная и звѣриная ловля, удовлетворяющія болѣе, или менѣе всѣмъ потребностямъ ихъ.

Таковы инородческія племена, обитающія въ настоящее время въ Туруханскомъ краѣ. Число ихъ, какъ мы видимъ, не значительно въ сравненіи съ числомъ нѣкоторыхъ соплеменниковъ ихъ, обитающихъ въ другихъ частяхъ сѣвера Сибири. Не будемъ вдаваться въ излишнія, пока спорныя и неразрѣшенныя положительно, изслѣдованія объ историческомъ происхожденіи и филологіи ихъ, — и повторять уже неоднократно сказанное разными писателями, не всегда согласными между собою; но сдѣлаемъ краткій очеркъ естественнаго состоянія ихъ, нравовъ, обычаевъ, промысловъ и проч.

Почему-то первенствующими владыками этихъ пустынныхъ лѣсовъ и тундръ признаются Тунгусы, они оставили это право за собою вездѣ въ Восточной Сибири, и здѣсь, между прочими племенами, въ особенности сохранили такое право, доказывая его всегдашнимъ нравственнымъ и физическимъ превосходствомъ. Въ первомъ случаѣ одно имя Тунгуса приводитъ въ смущеніе Остяка, или Юрака, которымъ, во времена общей независимости, крѣпко доставалось отъ Тунгусовъ, какъ повѣствуетъ преданіе между ними. Во второмъ, Тунгусъ сильнѣе развитъ, бодрѣ, крѣпокъ, проворенъ. Остяки, Самоѣды и Юраки прибыли въ неизвѣстныя времена или съ запада, или съ юга, оттѣсняемые другими племенами и оттѣсняая другъ друга въ глубь страны. Якуты же

въ позднѣйшее время отдѣлились отъ своего племени, обитающаго въ Якутской области. Долгановъ считаютъ соплеменными Тунгусамъ и слѣдовательно все, что будетъ сказано о послѣднихъ относится болѣе, или менѣе и къ первымъ, исключая какихъ либо особенностей, о которыхъ и будетъ поясняться. Долганы и Тунгусы говорятъ однимъ языкомъ, но въ какой степени онъ тождественъ у обоихъ племенъ дѣло этнографа опредѣлить это. Прочіе же инородцы употребляютъ каждое племя свое нарѣчіе.

Тунгусовъ считаютъ происходящими изъ одного поколѣнія съ Манжурами по сходству въ языкѣ, наружномъ видѣ, нравахъ и признаютъ переселившимися на Енисей изъ сѣверныхъ частей Китая въ XII, или XIII столѣтіяхъ. Русскимъ же Тунгусы дѣлаются извѣстными въ началѣ XVII столѣтія, когда въ 1595 г. нашими казаками былъ основанъ острогъ Кетскій, близъ впаденія рѣки Кети въ Енисей. Отсюда и изъ города Мангазенъ были распространяемы казаками-завоевателями ихъ воинственные походы на Түрүханскихъ инородцевъ, и послѣдніе, послѣ сопротивленій, покорялись оружію и платежу дани. Такимъ образомъ, Кетскіе казаки побѣдили и обложили ясакомъ въ 1615 г. Тунгусовъ, бродившихъ по Верхней Тунгускѣ, а Мангазейскіе въ 1614 году Тунгусовъ, бродившихъ по Нижней Тунгускѣ и въ 1623 году уже окончательно всѣ Тунгусы состояли въ подданствѣ Россіи.

Ростъ Тунгусовъ средній, голова овальная, лобъ широкій, глаза нѣсколько узкіе, носъ плоскій, лице круглое съ умнымъ и смѣлымъ выраженіемъ, цвѣтъ кожи красновато-смуглый. Иные, впрочемъ рѣдкіе, имѣютъ на лицѣ для щегольства вышитыя вѣтви, или другіе узоры, изъ оленьей жилы, натертой порохомъ, или углемъ. Волосы носятъ забранными на затылокъ въ пучекъ, или косою и перевязанными ремнемъ. Въ фізіономіи Долгановъ какъ то менѣе рѣзкости или типа чисто азіатскаго. Одежда Тунгусовъ, сохраняемая безъ посторонней помощи, довольно сложна и щеголевата. Она состоитъ въ коротенькомъ казакинѣ изъ ровдуги, — оленьихъ шкуръ, вышитомъ по бортамъ разноцвѣтнымъ бисеромъ въ разнообразныя узоры и обложенномъ внизу подола бахрамою изъ какихъ нибудь звѣриныхъ волосъ. Нижнее платье, — хорки, также изъ оленьихъ шкуръ, простирающееся до половины стегна, прикрывается широкимъ кожанымъ нагрудникомъ, идущимъ отъ самой шеи, и также вышитомъ бисеромъ и опушеннымъ чѣмъ нибудь. Широкій кожаный поясъ, вышитый сплошь бисеромъ съ нѣсколькими кошельками для табаку, огнива и проч. съ ножикомъ, трубкою и т. п. довершаетъ нарядъ. На головѣ большая шапка изъ выдры, росомахи, или же лисьихъ и песцовыхъ лапъ и изъ пыжика, опушенная выдрюю, или

россомахою и опять украшенная бисеромъ, а на ногахъ, вмѣсто чулковъ, чижы изъ тонкихъ оленьихъ шкуръ шерстью внизъ, до колѣнъ и сверхъ ихъ сотуры, узкіе унты изъ камысовъ, шкуръ съ оленьихъ ногъ и также шитые бисеромъ. Конечно бисеръ составляетъ украшеніе одежды только богатыхъ Тунгусовъ. Въ дальнее путешествіе зимою сверхъ всего надѣвается парка, или сокуй изъ большихъ оленьихъ.

Одежда Долганская гораздо проще, какъ по числу составляющихъ ее предметовъ, такъ и по украшениямъ бисеромъ. Нижнее платье почти однообразно, изъ ровдуги; но съ верху надѣваютъ махалку, — нѣчто въ родѣ пальто изъ небольшихъ цвѣтныхъ оленьихъ, шерстью вверхъ, плотно облегающую станъ и украшенную по бортамъ подола, рукавовъ и груди каймами изъ тѣхъ же разноцвѣтныхъ оленьихъ шкурокъ. Къ махалкамъ, какъ, впрочемъ, и ко всему инородческому верхнему платью пришиваются наглухо, рукавицы съ прорѣзью у ладони, для освобожденія рукъ, когда нужно. На голову надѣваютъ шапку, или чабакъ изъ шкуръ пыжей съ песцовымъ подбоемъ, опушенную росомахою.

Одежда Тунгуса, хотя щеголевата, но весьма легка. Для зимы преимущественно употребляются мѣхъ, шкура съ шерстью, а лѣтомъ одна кожа безъ шерсти. Одежда эта вполне соответствуетъ его образу жизни, неподвижному, вѣчно въ движеніи: въ продолженіи года Тунгусъ обойдетъ любимыя горы и лѣса Тунгуски, побываетъ за Тундрой, выйдетъ на Енисей и опять на Тунгускѣ. Жилище его, всегда ему сопутствующее есть обыкновенное жилище всѣхъ инородцевъ, это чумъ. Чумъ, поставленный на мѣстѣ, имѣетъ видъ конусообразный. Онъ состоитъ зимою или изъ оленьихъ выдѣланныхъ шкуръ, ровдуги, называемой пюкомъ, соединенный еще, если позволяетъ возможность, съ обыкновенными оленьими, или же просто заброшенный изъ вѣѣ до половины снѣгомъ, а лѣтомъ изъ бересты, приготовленной длинными пластами, и такой чумъ называется *тискою* какъ напр. у Остяковъ. Какъ оленьими, такъ и берестою, сшиваемыми въ длинные полосы, обтягивается основа чума, нѣсколько деревянныхъ шестовъ, соединяющихся вмѣстѣ вверху, гдѣ только оставляется отверстіе для выхода дыма. Ширина чума въ діаметрѣ аршинъ шесть и восемь, а высота соответственно этому не менѣе семи, берестяной чумъ менѣе. Съ одной стороны чума, обращенной преимущественно къ юго-востоку, оставляется узкій входъ, прикрываемый также оленьюю шкурою, или берестою. По срединѣ чума очагъ, т. е. нѣсколько камней, и на нихъ ставится котелъ, а надъ нимъ треножникъ, на который котелъ этотъ вѣшается, когда нужно. По сторонамъ чума настланы на землѣ, или на снѣгу доски, покрытыя оленьими. Долганы, конечно не всѣ, обитающіе болѣе осѣдло,

зимою живутъ въ деревянныхъ избахъ, или такъ называемыхъ балагахъ, которыя дѣлаются такъ: ставятъ четыре столба, скрѣпляютъ перекладинами, поперечными брусьями, бока обстанавливаютъ кругомъ лѣсомъ, засыпаютъ ихъ, какъ и крышу, землею и дерномъ и еще прибавляютъ снѣгу.

Такъ какъ Тунгусы мало имѣютъ оленей, совершая свои промысловые вояжи большею частію пѣшкомъ, то хозяйство ихъ весьма ограничено и заключается изъ немногихъ вещей для домашняго обихода, сохраняемыхъ тутъ же въ чуму. Самый значительный предметъ послѣ чума это вѣтка, берестенная лодочка, которую, на случай переправъ черезъ рѣки, Тунгусы имѣютъ при себѣ.

При рожденіи дѣтей мать родительница должна очистить себя переходомъ три раза чрезъ огонь въ чумѣ; новорожденного обмываютъ въ снѣгу, если зимою, или лѣтомъ въ ближайшемъ ручьѣ, и даютъ имя перваго вошедшаго лица, которое часто остается и въ послѣдствіи, по принятіи ребенкомъ Св. крещенія, такъ что не рѣдко встрѣчаются крещенные Тунгусы съ языческимъ именемъ, даннымъ при рожденіи и фамиліею, принятою при крещеніи.

Свадебные обряды совершаются такимъ образомъ: или женихъ самъ лично является въ чумъ отца избранной имъ невѣсты и, объявивъ свое желаніе, дѣлаетъ условіе о колымѣ. Колымъ, — это плата за невѣсту, существующая вообще у всѣхъ инородцевъ, смотря по состоянію вступающихъ въ бракъ. Колымъ платится или деньгами, или оленями, или шкурами звѣрей, а иногда, въ замѣнъ колыма, отецъ невѣсты беретъ себѣ жену изъ семейства жениха своей дочери. Свадьба совершается безъ особенныхъ церемоній, и когда представится случай освѣщается церковнымъ обрядомъ. Или же женихъ предварительно посылаетъ особаго свата къ родителямъ избранной имъ невѣсты. Сватъ приходитъ, или пріѣзжаетъ къ чуму, входитъ въ него и молча садится на переднее мѣсто. Выкуривъ трубку табаку онъ объявляетъ тогда о цѣли своего прибытія и спрашиваетъ сколько требуется колыму за невѣсту. Получивъ отвѣтъ опять спрашиваетъ сколько и чего именно она принесетъ за собою въ приданое, такъ какъ, взамѣнъ колыма, невѣста должна имѣть приданое: оленей, одежду мужскую, кромѣ своей собственной и проч. и, узнавъ объ этомъ, возвращается къ жениху и передаетъ ему объ успѣхѣ своего порученія. Если онъ согласенъ на всѣ условія тотчасъ же отдаетъ требуемый колымъ свату, который доставляетъ его родителямъ невѣсты, и эти послѣдніе на завтра, снарядивъ свою дочь вполнѣ совсѣмъ обѣщаннымъ въ приданое, отправляютъ ее одну на оленяхъ въ чумъ жениха, по пріѣздѣ куда ее, однакожъ, ни-

кто не встрѣчаетъ. Распрягши сама оленей и отпустивъ ихъ въ табунъ жениха она идетъ въ чумъ, садится къ дверямъ и начинаетъ подкладывать дрова на огонь; женихъ же, который тутъ же находится, спустя нѣсколько времени снимаетъ съ себя парку и бросаетъ къ невѣстѣ на колѣни; она беретъ ее и выноситъ изъ чума. Этимъ доказательствомъ вступленія ее въ права хозяйки, бракъ совершается и за тѣмъ уже слѣдуетъ свадебный пиръ: колютъ оленей, угощаютъ всѣхъ своихъ и чужихъ и является неизбѣжный шаманъ утвердить счастье новобрачныхъ.

На женѣ Тунгуса, какъ вообще у всѣхъ инородцевъ, лежатъ всѣ домашнія обязанности: приготовленіе пищи, одежды, забота о дѣтяхъ, завѣдываніе чумомъ при пераходахъ и проч. Мужъ, какъ истинный владыка своей семьи, знаетъ только свой промыселъ, т. е. сдѣлать запасъ для пищи, приготовить орудія для промысловъ, заплатить ясакъ, сбыть излишнюю добычу. И потому, когда вся семья на лицо, женщина находится въ большемъ трудѣ.

Говоря вообще о рукодѣльи и ремеслахъ какъ Тунгусовъ, такъ и другихъ инородцевъ Туруханскаго края, надобно сказать, что тѣ и другія ограничиваются лишь удовлетвореніемъ всегдашнихъ домашнихъ потребностей, изчисленныхъ выше, и только не многіе инородки умѣютъ дѣлать бисерныя и другія украшенія на одежду. У нихъ нѣтъ тѣхъ изящныхъ въ своемъ родѣ работъ, или искусныхъ издѣлій какія на пр. встрѣчаются у Якутовъ Якутской области. Развѣ трубка изъ мамонтовой кости составитъ все мастерство мужчины. Металлическихъ подѣлокъ вовсе не имѣютъ и вещи изъ нихъ достаютъ отъ Якутовъ, или Русскихъ.

Нравственная жизнь, какъ менѣе испорченная отъ соприкосновенія съ Русскими, сохраняется Тунгусами Туруханскаго края въ болѣе чистой.

Увеселенія Тунгусовъ и Долгановъ обычныя, какъ и другихъ инородцевъ. Пѣсни, поющіяся, или во время переѣзда, или при занятіи какою нибудь работою, заключаются въ выраженіи представляющихся глазамъ предметовъ, въ воспоминаніи какихъ нибудь недавнихъ встрѣчъ, поѣздокъ въ чужой чумъ, въ выраженіи любви. Пляска состоитъ также въ обще-принятомъ кругѣ: мужчины и женщины, взявшись за руки, по парно, или какъ случится, становятся въ одинъ кругъ, въ центрѣ котораго утверждаютъ палку и начинаютъ тихо кружиться то въ одну, то въ другую сторону, переставляя или правую ногу за лѣвую, или на оборотъ, и припѣвая дружно, въ тактъ ударомъ ногъ: ехоръ-э, ехоръ-э, ехоръ-э, чехъ, чехъ, чехъ, ехоръ-э или хай-канъ-хачу, хай-

канъ-хачу. Праздненства эти совершаются на свадьбахъ, при встрѣчахъ друзей давно не видавшихся и т. п., и продолжаются иногда цѣлый день. Музыки нѣтъ никакой.

Болезни и смерть имѣютъ у Тунгусовъ также свои исконные обряды. Болезней прилипчивыхъ, особенно оспы и горячки, истребившихъ у нихъ въ разное время не мало народа, они весьма боятся. При появленіи ихъ они спѣшатъ оставлять свои обычные мѣста жительства и спѣшатъ куда нибудь далѣе въ глубь тундры, и нерѣдко заболѣвавшего оставляютъ одного на произволъ смерти, снабдивъ его лишь пищею; особенно въ это время они избѣгаютъ сношеній съ Русскими, которыхъ считаютъ виновными появленія заразительныхъ болезней, и тогда они не допускаютъ до чума Русскаго на ружейный выстрѣлъ. Умершаго обыкновенною смертію, если это христіанинъ, зашиваютъ или въ шкуру убитаго оленя, или же въ собственную его одежду и зарываютъ въ яму съ принадлежащими ему вещами: виштовкою безъ замка, лукомъ безъ тетивы, отказомъ, топоромъ, трубкою съ табакомъ, котломъ и сковородкою, изъ конхъ дно послѣднихъ просверливаютъ; мясо убитаго оленя съѣдаютъ тогда же и лишь одно стегло кладутъ на могилѣ покойника; шаманъ участникъ и здѣсь; а за тѣмъ удаляются отъ этого мѣста, укрывая даже слѣдъ свой снѣгомъ, или деревьями, чтобы умершему не могло быть возврата въ прежнее жилище его. Умершаго же не христіанина, также, обернувъ въ оленью шкуру и съ тѣмъ же обрядомъ, вѣшаютъ на дерево, или кладутъ на лабазъ высокій помостъ, устраиваемый въ сажень и болѣе отъ земли между четырьмя близъ стоящими деревьями, и называемый Тунгусами *киривко*, а самыя деревья обмазываютъ кровью убитаго оленя. Даже, когда посторонній Тунгусъ наткнется нечаянно на это мѣсто смерти, спѣшитъ удалиться отъ него, пятась назадъ до тѣхъ поръ, пока дерево съ мертвецомъ, или лабазъ не скроются изъ глазъ его. Умершую же женщину зашиваютъ просто въ ровдугу, кладутъ прямо на землю и забрасываютъ лѣсомъ безъ всякихъ особенныхъ церемоній.

Тунгусы гостепріимны, привѣтливы, но не прощаютъ наносимыхъ обидъ и потому осторожны въ сношеніяхъ съ чужими. Гости своего они ласково угощаютъ всею что есть; свою добычу Тунгусъ тотчасъ же дѣлитъ съ своими бѣдными сородичами; равно и Долганы отличаются добрыми качествами. Разговоръ ихъ тихъ, скромнъ, не многосложенъ, какъ и всѣ поступки замечательны какою-то особенною солидностью, честностью, благоразуміемъ; даже въ пьяномъ видѣ они не выходятъ изъ себя и если случится вспылить, то тотчасъ же успокоиваются. Чистота болѣе всѣхъ другихъ инородцевъ соблюдается во

всемъ: въ одеждѣ, пищѣ, наружномъ видѣ и проч. Къ Русскимъ, особенно къ начальству, тѣ и другіе сохраняютъ величайшее почтеніе. У тѣхъ Тунгусовъ, которые имѣютъ болѣе сношеній съ Русскими, живущими на пр. на Енисей, есть непременно свой другъ, къ которому онъ прежде всего спѣшитъ по выходѣ изъ промысловъ и отдаетъ свою добычу по условленной цѣнѣ. Долго иногда онъ выдерживаетъ свой интересъ; но вино, къ которому они пристрастны, рѣшаетъ все дѣло, конечно не въ пользу его. Нечего говорить о томъ, что всѣ инородцы, по пристрастію своему къ вину, не рѣдко дѣлаются жертвами торгашей, умѣющихъ за нѣсколько рюмокъ плохаго вина пріобрѣтать дорогіе шкуры пушныхъ звѣрей. Въ Туруханскомъ краѣ это право остается или за болѣе самостоятельными жителями станковъ, или за вахтерами, казаками на суглантахъ, или тамъ, гдѣ находятся хлѣбные магазины, къ которымъ въ извѣстное время выходятъ Тунгусы съ своею добычею для платежа ясака, расплаты за казенный хлѣбъ, разныхъ покупокъ и проч. Хотя сугланъ долженъ бы быть сборнымъ мѣстомъ въ определенное время для всѣхъ инородцевъ, для которыхъ онъ установленъ; но, напротивъ, сюда выходятъ разновременно только родоначальники и тѣ изъ инородцевъ, которые нуждаются въ хлѣбѣ и имѣютъ какія либо особыя причины, или же должны находиться при присрочкѣ оленей, т. е. служить проводниками и для проѣзжающаго начальства, а прочіе, свободные отъ этой неспріятной обязанности, стараются выходить туда, гдѣ можно выгоднѣе лично для себя сбыть свою добычу и пріобрѣсти нужное.

Такимъ образомъ, по этимъ главнымъ причинамъ, подкрѣпляемымъ, между прочимъ и упавшимъ промысломъ звѣрей, всѣ Тунгусы, бывшіе постоянными обитателями Нижней - Тунгуски, оставили ее и разбрелись, какъ мы уже сказали, по разнымъ мѣстамъ Туруханскаго края именно туда, гдѣ они или могутъ быть нѣсколько свободнѣе отъ насильственнаго, посторонняго вліянія, какъ напр. къ населеннымъ станкамъ по Енисею, или же совершенно освободиться отъ всякаго вліянія, какъ на Есейскомъ озерѣ. Теперь многіе изъ Тунгусовъ, вышедшіе въ тундры, и Богадинскіе тунгусы занимаются промысломъ дикихъ оленей и песцовъ.

Быть Тунгусовъ Туруханскаго края, какъ и Долгановъ, вообще посредственный. Между ними встрѣчается не мало такихъ бѣдняковъ, которые кое какъ пропитываютъ себя, а состоятельныхъ, у коихъ бы были значительные стада оленей, составляющихъ прямое богатство, почти нѣтъ. Главный коренной промыселъ Тунгуса звѣроловство, рыболовствомъ онъ занимается только по нуждѣ. Долганы болѣе склонны къ

рыболовству по образу своей жизни. Винтовка, лукъ, отказъ, или пальма-орудіа, съ которыми отважный Тунгусъ вездѣ, въ своихъ тайгахъ, является побѣдителемъ. Изъ винтовки онъ бьетъ навѣрное всякаго звѣря, лукъ употребляется тогда, когда звѣрь не стоитъ пули и даже стрѣляетъ изъ него рыбу въ водѣ, съ отказомъ, ножомъ въ 1½ вершка шириною и 1½ аршина длиною, отточеннымъ съ обѣихъ сторонъ и всаженнымъ въ деревянную рукоятку въ аршинъ длиною, онъ смѣло идетъ въ бой съ медвѣдемъ, грудь съ грудью, и поражаетъ его на смерть. Между многими анекдотами о ловкости и неустрашимости Тунгусовъ при встрѣчѣ съ медвѣдями, между прочимъ, рассказываютъ, что однажды Тунгусъ, преслѣдуя дикаго оленя, подкрадывался къ нему съ величайшею осторожностью, чтобы не дать знать о своемъ приближеніи, а за нимъ слѣдомъ, также осторожно, крался медвѣдь, подстерегая моментъ напасть на Тунгуса. Къ счастью, медвѣдь, бывшій уже шагахъ въ 10-ти отъ охотника, какъ то неловко наступилъ на сухое дерево и далъ замѣтить ему о себѣ. Тунгусъ тотчасъ же обернулся и, вмѣсто выстрѣла въ оленя, послалъ пулю въ медвѣдя и въ ту же минуту принялъ его на отказъ. Побѣда осталась за нимъ.

На охотѣ Тунгусъ не побѣдимъ и никогда не будетъ съ пустыми руками, лишь бы было чѣмъ поживиться. Терпѣливо, спокойно онъ проходитъ сотни, тысячи верстъ, отыскивая добычу. Когда лѣса и горы тунгуски изобиловали соболями удалый охотникъ выносилъ въ зиму полсотни и до сотни штукъ, теперь онъ ограничивается десяткомъ, и то при счастіи. Впрочемъ ясакъ свой Тунгусы всегда платятъ бездоимочно и нерѣдко шкурами соболей, а если на нихъ считается недоимка, или соболи поступаютъ по принадлежности не вполнѣ, то это уже не ихъ вина.

Въ числѣ разныхъ преданій о прежней воинственности Тунгусовъ сохранился рассказъ о бывшихъ кровопролитныхъ бояхъ между ихъ собственными ордами, особенно Чапогирскою, Илимпейскою и Таймурскою, на берегахъ рѣчекъ Убойной и Канальчихи, впадающихъ въ Нижнюю-Тунгуску. Причиною этихъ битвъ были неудачныя сватовства одною ордою у другой, женщина и оскорбленное самолюбіе; да и существовавшіе тогда главные богатыри, которые сдѣлались родоначальниками своихъ родовъ, давъ нѣкоторымъ изъ нихъ свои имена, желали помѣряться силами.

Остяковъ одни изъ писателей полагаютъ остаткомъ Чуди, древнихъ жителей средней Сибири, удалившихся изъ южныхъ краевъ Енисея отъ набѣга Татаръ и Киргизовъ къ сѣверу, другіе считаютъ ихъ поколѣніемъ Финскимъ, притянувшимся отъ Лапландіи на востокъ, а, наконецъ,

иные находятъ въ языкѣ Остяковъ сходство съ языкомъ Катовъ, Ариновъ, Кайбаловъ, происхожденія Татарскаго. Но, какъ бы то нибыло, Остяки, обитающіе въ Туруханскомъ краѣ, въ многомъ утратили свою народность обращаясь преимущественнѣе другихъ инородцевъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Русскими, и не усвоили себѣ, взаимнѣ, никакихъ добрыхъ качествъ, и поэтому во всемъ является у нихъ смѣсь, ничего полнаго, недостатокъ многого собственнаго и большая бѣдность, которую, въ особенности, отличаются Остяки, живущіе въ Верхнеинбатскомъ участкѣ. Не многіе изъ нихъ имѣютъ оленей и то въ ограниченномъ числѣ, такъ что нужные для одежды оленьи шкуры привозятся для нихъ изъ другихъ мѣстностей края, а большая половина пропитывается кое какъ, то промысломъ бѣлки и куропатки, то ловлею рыбы, съ трудомъ оплачиваютъ свой ясакъ и состоятъ въ неоплатномъ долгѣ въ казну за хлѣбъ, котораго они употребляютъ въ нѣсколько разъ болѣе всѣхъ прочихъ инородцевъ.

Скажемъ нѣсколько подробнѣе о положеніи Остяковъ, обитающихъ по Енисею. До 1825 года они отправлялись въ рѣчки за промысломъ звѣрей по найму отъ купцовъ и жителей станковъ на всемъ содержаніи ихъ, въ качествѣ работниковъ и, будучи не должны въ казну, добытаго звѣря сбывали своимъ хозяевамъ. Съ повышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ они стали постоянно заимствоваться изъ казенныхъ магазиновъ хлѣбомъ, платя за него, по бѣдности своей, третью часть, а остальное количество оставляли за собою въ долгу, и накопили, наконецъ, огромную недоимку, такъ, что на каждомъ Остякѣ состоитъ по долговымъ регистрамъ отъ 150 до 350 руб. сер. и болѣе. Также прежде необходимою одеждою, преимущественно постелями, оленьими шкурами и камышами, нужными для нихъ, и хлѣбомъ для своихъ большихъ семействъ заимствовались воодолженіе отъ приплывавшихъ купцовъ, которымъ и расплачивались, по выходѣ изъ лѣсовъ и рѣкъ, звѣринными шкурами, бывшими въ то время въ изобиліи, а часть отдавали въ казну; нынѣ же хотя нѣкоторые изъ нихъ и ходятъ въ дальнія мѣста и рѣчки за промысломъ звѣря, но добываютъ гораздо менѣе, потому, что соболи уменьшились, удалившись въ другія мѣста по недостатку пищи мелкаго звѣря, кротовъ мышей и проч., или же выловились; равно и бѣлка уменьшилась по тѣмъ же причинамъ. И по этому весь скудный свой промыселъ Остяки должны отдать въ казну за взятый ими въ одолженіе казенный хлѣбъ, порохъ, свинецъ и въ ясакъ. Лѣтомъ они занимаются промысломъ рыбы, изъ которой крупную продаютъ и вырученные за нее деньги употребляютъ на покупку себѣ на лѣто хлѣба,

соли, необходимой одежды, мотовъ, конопля и проч., а изъ мелкой рыбы сушатъ для себя порсу.

Такъ какъ промысловыхъ средствъ всегда недостаточно для заготовленія надежной зимней одежды, то многіе, во время сильныхъ морозовъ, остаются неподвижно въ своихъ чумахъ, около огня, опасаясь отъ опасности замерзнуть и упуская удобное время промысловъ и, конечно, терпятъ голодъ, или же опустошаютъ казенные хлѣбные магазины. По этимъ уважительнымъ причинамъ не такъ давно доставлялись въ Верхнеенибатскъ изъ Туруханска принятыя отъ вахтеровъ Дудинскаго участка казенные оленьи шкуры и камыши для продажи Остякамъ по цѣнѣ дешевле противу цѣнъ купеческихъ. Запасшись нужною одеждою, они уходили далѣе въ тайгу за промысломъ и были въ болѣе обезпеченномъ положеніи, уплачивая и въ казну долгъ свой; нынѣ же почему то всего этого не доставляется и Остяки, но истиннѣ, бѣдствуютъ.

Хотя Остяки составляютъ какъ бы одно племя; но, судя по свойству языка и неоднобразію обычаевъ, есть нѣкоторая разность между обитающими по Енисею и живущими на Тазу и Банхѣ, изъ коихъ языкъ первыхъ считаютъ происхожденіемъ Финско-Самоѣдскаго корня, а вторыхъ Самоѣдскаго; но и у послѣднихъ замѣтна большая разность въ языкѣ. Енисейскіе Остяки называютъ себя Тундыгетами и Тишпканами.

Остяки вообще росту посредственнаго, но болѣе рослы, нежели Тунгусы, сложены, по видимому, крѣпко, а въ дѣйствительности слабосильны и съ меньшею твердостью, какъ другіе инородцы, переносятъ всѣ лишенія. Черты лица не заключаютъ въ себѣ общаго характера азіатскаго типа: носъ обыкновенной, глаза широкіе, скулы маловыдавшіеся. Въ слѣдствіе ли постоянной нужды, или бывшихъ угнетеній отъ другихъ племенъ и утраты своей народной самостоятельности, только на лицахъ ихъ всегда видна какая-то скорбь и боязнь. Впрочемъ они довольно умственно развиты, смѣтливы, лукавы и плутоваты. Волосъ на головѣ никогда не стригутъ и не чешутъ, а носятъ ихъ включенными беспорядочными прядями, что чрезвычайно безобразитъ ихъ, не говоря уже о той нечистотѣ въ волосахъ, которая неизбежна, да и вообще Остяки во всемъ крайне грязны. Каждое другое племя, хотя имѣетъ наружную опрятность, когда надѣнетъ свой парадный нарядъ, а у Остяковъ и этого нѣтъ. Одежда ихъ состоитъ изъ широкой парки изъ оленьихъ шкуръ, сшитой въ видѣ мѣшка съ рукавами, повязываемою поясомъ на животѣ; ноги обвертываютъ, вмѣсто чижей, какою-то приготовленною и высушенною травою, называемою осотъ, похожею на пенку и сверху надѣваютъ пимы, нѣчто въ родѣ чарковъ, или изъ камы-

совъ, или изъ обыкновенной кожи съ суконными голенищами; зимою сверхъ парки надѣвается сокуй. Голова иногда прикрыта какою нибудь старою шапкою не опредѣленнаго фасона, или же чабакомъ изъ бѣлыхъ шкуръ, а большею частію, по случаю природнаго покрова изъ волосъ, открыта; шею зажиточные покрываютъ ошейникомъ изъ бѣлыхъ хвостовъ. Лѣтомъ парка замѣняется кажаномъ изъ ровдуги; а остальное платье состоитъ изъ разной смѣси съ Русскою одеждою. Также и въ одеждѣ женщинъ нѣтъ ничего особеннаго, исключая того, что они волосы покрываютъ платкомъ и украшаютъ, по обыкновенію, бисеромъ и мѣдными кольцами. А такъ какъ Остяки, особенно Енисейцы, по необходимости, занимаются преимущественно рыболовствомъ, пожирая рыбу сырую, вяленую и, нерѣдко, тухлую, то, натурально, къ неопрятности ихъ присоединяется еще всегда весьма непріятный запахъ.

Такъ какъ Остяки не ведутъ такой бродячей жизни, какъ Тунгусы, или Самоѣды, то они на зиму устраиваютъ въ извѣстныхъ мѣстахъ, вблизи своихъ звѣриныхъ промысловъ, или не вдалекѣ отъ русскихъ жилищъ, простыя землянки — балаги, изъ тонкихъ бревешекъ, которыя изъ внѣ закладываются землею и снѣгомъ; по срединѣ чуваль изъ глины, гдѣ всегда горитъ огонь — галеумъ, и здѣсь вся семья, полуодѣтая и полусытая, проводитъ длинную суровую зиму, вмѣстѣ съ своими голодующими, истощаемыми собаками, составляющими непременную принадлежность остяцкаго хозяйства, а между тѣмъ отецъ семьи бродитъ на лыжахъ гдѣ нибудь въ окрестностяхъ для промысла бѣлки, или куропатки. Впрочемъ тѣ изъ Остяковъ, которые по состоятельности, какъ напр. обитающіе по Тазу, оленистые и звѣроловы, устраиваютъ свои жилища похоже на русскіе избы: верхъ укрываютъ дерномъ, при входѣ загородка въ родѣ кладовой, гдѣ хранятся припасы, съ одной стороны нары, мѣсто обычныхъ занятій и даже для сна, а съ другой отгороженная часть, гдѣ спятъ незамужнія женщины или неженатые мужчины. Застигла Остяка ночь, или буря, онъ развязалъ поясъ и тутъ же на снѣгу завертывается въ свою парку съ головы до ногъ, или когда остановки бываютъ продолжительны, напр. при проѣздѣ съ кѣмъ нибудь въ подводахъ, или при магазинѣ на сугланѣ, то выгребаетъ въ снѣгу до земли яму, обкладываетъ ее съ сѣверной стороны лѣсомъ, забрасываетъ его снѣгомъ, въ срединѣ разводятся костеръ и временное жилище, довольно впрочемъ сносное, а, во всякомъ случаѣ, для посторонняго путешественника, не рѣдко и въ хорошую погоду, лучше душной землянки, готово. Лѣтомъ Остяки имѣютъ небольшіе подвижные берестянные чумы, съ которыми совершаютъ свободно свои переходы по рыболовнымъ рѣчкамъ и озерамъ.

Въ первыхъ рыбу промысляютъ запорами, деревянною изъ колевъ загородью чрезъ всю рѣчку, такъ что рыба имѣетъ выходъ въ одномъ только отверстіи, которое также окружается загородью, и гдѣ скапливается рыба и ее прямо отсюда черпаютъ сакомъ, сдѣланнымъ на подобіе лейки. По озерамъ ловятъ пущальнями, узкими конопляными сѣтями. Рыбу сушатъ на такъ называемую юкалу и сохраняютъ на зиму въ берестяныхъ буракахъ, или тузьяхъ. Съ октября начинается промыселъ звѣря: дикаго оленя, бѣлки, лисицы, горностая и проч. Главное орудіе промысла лукъ; есть и ружья, но не у всѣхъ. Ловкостью и смѣлостью въ звѣроловлѣ Остяки не похвалятся.

Въ этомъ отношеніи интересенъ обычай у Тазовскихъ Остяковъ при убитіи медвѣдя. Когда случится какому либо Остяку совершить подвигъ этотъ, онъ немедленно извѣщаетъ о томъ ближайшихъ Остяковъ, которые тотчасъ же собираются къ трупѣ убитаго, дѣлаютъ ему почтительные поклоны съ привѣтствіемъ и послѣ того одинъ, съ осторожностью, начинаетъ снимать шкуру, а другіе заготавливаютъ сухую траву, бересту и дерево и разводятъ огонь. По снятіи шкуры, мясо разнимаютъ, варятъ въ котлѣ и послѣ ѣдятъ изъ деревянныхъ почевокъ, лотковъ, деревянными же рожнями, въ родѣ вилокъ, тогда же приготавливаемыхъ, и при всемъ этомъ соблюдается особенное вниманіе и осторожное обращеніе даже съ вареномъ мясомъ, изъ опасенія, какъ будто-бы, чтобы оно, въ случаѣ какого либо неуваженія, не приняло прежняго своего вида, страшнаго медвѣдя. Шкура убитаго звѣря поступаетъ въ награду храброму охотнику его.

Занимательны большіе Остяцкія лодки особой конструкціи: высокія съ длиннымъ носомъ, мачтою и опуклою палубою изъ бересты, въ которыхъ они съ всею своею семьею предпринимаютъ большія переезды по рѣчкамъ и самому Енисею (*).

Кстати скажемъ здѣсь о существующемъ между тазовскими Остяками обычаѣ приводить къ сознанію подозрѣваемыхъ въ какомъ либо преступленіи. Для этого даютъ виновному медвѣжьей зубъ, который онъ долженъ грысть, или медвѣжье ухо, которое надобно рубить ножомъ и цѣловать. Когда же преступникъ все это выполнитъ, но однакожь ни въ чемъ не сознается, а между тѣмъ подозрѣніе на него сильно, тогда приносятъ шкуру горностая съ цѣльною головою, и у нее онъ долженъ поцѣловать ноздрю. Нѣтъ примѣра, чтобы, при этомъ послѣднемъ испытаніи обвиняемый, если онъ дѣйствительно виновенъ, не сознался,

(*) Остяки Енисейскаго округа на лодкахъ этихъ приплываютъ въ Енисейскъ, гдѣ нанимаются для перевозки тяжестей на золотые промысла по р. Питу.

изъ существующаго опасенія, при дальнѣйшемъ отпирательствѣ, непременно умереть, и тогда, по мѣрѣ вины, опредѣляется наказаніе розгами. Впрочемъ присяга чрезъ медвѣжій зубъ, медвѣжій ноготь и коздрю горностая, или росомаху, принята почти у всѣхъ инородцевъ, также принято очищаться дымомъ, на которомъ жгутъ упомянутые предметы. Подвергнувшійся испытанію или совершенно освобождается отъ подозрѣнія, или, смотря по уликамъ, до времени остается въ немъ, и если послѣ того случится съ нимъ какое либо несчастіе, обличается въ утаенной винѣ.

Рожденіе младенцевъ сопровождается особеннымъ обычаемъ: когда наступитъ время женщины родить, устраивается особый чумъ, или яма, куда отводится разрѣшающаяся отъ бремени, и здѣсь же собираются всѣ мужчины и женщины для присутствованія при родахъ. Если же роженица долго страдаетъ родами, нѣкоторые изъ свидѣтелей, собравшихся около нея, выходятъ изъ чума, или ямы и бѣгаютъ кругомъ, кричатъ и стучатъ въ чумъ, чтобы сдѣлать испугъ въ рожницѣ и тѣмъ ускорить роды, а между тѣмъ приглашается и шаманъ для участія. По разрѣшеніи же отъ бремени, родившая приводится въ свой чумъ жилой и находится въ обязанности лежать предъ огнемъ у входа, пока не поправится, такъ что чрезъ нее шагаютъ проходящіе. Это нѣчто въ родѣ очищенія. Впрочемъ обрядъ этотъ выполняется не всѣми Остяками и преимущественно Карасинскими, а у иныхъ родины совершаются обыкновеннымъ образомъ при повивальной бабкѣ, которой роженица должна покаяться въ своихъ грѣхахъ; при нетрудныхъ же родахъ приглашается и шаманъ съ своимъ кудесничествомъ.

Въ совершеніи брака, конечно, также необходимъ колымъ. Намѣревающийся жениться, а, большею частію, посланный отъ него сватъ является къ родителямъ невѣсты, держа въ одной рукѣ посохъ, въ другой желѣзный котелъ, въ который положено цѣна колыма, заключающаяся въ звѣриныхъ шкурахъ, или какомъ нибудь платѣ, и, ни слова не говоря, садится къ дверямъ. Отецъ невѣсты уже знаетъ цѣль такого пріѣзда и также молча осматриваетъ котелъ. Если онъ недоволенъ предлагаемымъ колымомъ, объявляетъ объ этомъ и сватъ отправляется обратно, уже безъ посоха, для сообщенія жениху, который дополняетъ котелъ еще чѣмъ нибудь, и за тѣмъ идутъ окончательные переговоры, послѣ коихъ женихъ пріѣзжаетъ за невѣстою самъ и долженъ прожить у тестя около мѣсяца, а потомъ уже съ молодою женою возвращается домой. Какъ будетъ возможность, бракъ утверждается вѣчаніемъ въ церкви. Также это выполняется частію Карасинцами, а многіе, особенно бѣдняки, просто засылаютъ свата къ старшему ссмы, гдѣ невѣста, и

тотъ прямо устраиваетъ все дѣло. Въ похоронахъ нѣтъ никакихъ особенныхъ обрядовъ, кромѣ установленныхъ церковію и общаго обычая инородцевъ погребать умершихъ со всѣмъ, лично принадлежавшихъ, имъ имуществомъ. Женщины у Остяковъ, дѣтскихъ и безпечныхъ по преимуществу, еще болѣе обременены разными домашними работами; а при томъ, какъ говорятъ, мужья обращаются съ ними весьма сурово и, даже, жестоко. И такъ существованіе этого жалкаго племени печально, однообразно, соединено съ крайнею нужною, безвыходно; даже для временныхъ забвеній своихъ страданій оно не имѣетъ никакого развлеченія, ни пѣсенъ, ни пляски, и внѣшнее выраженіе участіа его безмолвно. Но и Остяки не лишены преданій, что ихъ прошедшее когда-то было лучше, что между ними являлись лица, пріобрѣтавшіе славу и, даже, они бывали побѣдителями не только другихъ племенъ, но и самихъ дьяволовъ. Такъ тазовскіе Остяки убѣждены въ томъ, что настоящія мѣста ихъ владѣнія, принадлежавшія прежде Юракамъ, пріобрѣтены ими силою оружія и рядомъ побѣдъ, изъ коихъ самая кровопролитная была у рѣчки Силки; Остяки завладѣли пространствомъ земли до 700 вер., а Юраки отодвинулись далѣе къ сѣверу, туда, гдѣ они нынѣ живутъ.

Самоѣды и Юраки, считающіеся этнографами одноплемениками, стали извѣстны въ Туруханскомъ краѣ со времени пріобрѣтенія сѣверной части его и основанія на Тазу города Мангазеи. О Самоѣдахъ, бродящихъ по обширнымъ тундрамъ края, укрывающихся, по возможности, отъ сближенія съ Русскими, и охраняющихъ свой народный характеръ отъ усвоенія чужихъ обычаевъ, мы имѣемъ мало основательныхъ свѣдѣній. Вообще это племя сохранило много своей независимости, особенно затундринскіе Самоѣды, Авамской и Вадеевской орды, которые владѣютъ большими стадами оленей, преимущественно занимаются звѣриннымъ промысломъ, не задолжаются казеннымъ хлѣбомъ, весьма мало и употребляя его. Объ нихъ, можно справедливо сказать, что у нихъ нѣтъ нужды, какъ у другихъ инородцевъ, а сравнительно избытокъ. Обычай аргишить, бродить по тундрамъ цѣлый годъ со всею семьею, оленями, останавливаться только тамъ, гдѣ есть выгодный промыселъ, гдѣ большое стадо дикихъ оленей можетъ быть вѣрною добычею махалокъ, или махавокъ, запасаться впрокъ всѣмъ, и птицею, и одеждою, даетъ самоѣдамъ много самостоятельности. Енисейскіе же Самоѣды, вращаясь въ жилыхъ мѣстахъ по Енисею и занимаясь, кромѣ звѣроловли и рыбнымъ промысломъ не столько какъ средствомъ для пропитанія себя, сколько какъ для торговли съ Енисейскими рыбо-промышленниками, уже не сохранили той независимой самостоятельности, какъ ихъ собраты и не столько оленисты. Они обыкновенно съ 20 декабря по

10 февраля остаются неподвижно около магазиновъ своихъ для заплаты ясака и другихъ надобностей; потомъ расходятся въ разные мѣста и рѣчки для поволоки оленей; за тѣмъ лѣтомъ, въ іюнѣ, одни выплываютъ съ своими лодками къ островамъ по Енисею, ниже Толстаго Носа, для рыбной ловли, а другіе остаются въ тундрѣ съ оленями и въ августѣ опять обращаются въ тундры для звѣринаго промысла. Юраки въ этомъ случаѣ уступаютъ Самоѣдамъ. Очевидно они утратили болѣе изъ своего народнаго быта, по какимъ либо обстоятельствамъ, или по сближенію съ Русскими, во времена пребыванія ихъ на Тазу, и потому не столько уже состоятельны, хотя и между ними имѣются рѣдкія личности, владѣющія нѣсколькими тысячами оленей, впрочемъ, преимущественно изъ начальствующихъ лицъ, что очень естественно. Береговые же Юраки гораздо бѣднѣе Тазовскихъ, какъ они говорятъ, по скудости своихъ промысловъ. Станный обычай у Юраковъ ѣздить даже лѣтомъ на оленяхъ, запряженныхъ въ сани, и отъ того олени ихъ всегда бываютъ измучены. Неужели это слѣдствіе необычайной лѣности; другіе инородцы не дѣлаютъ же этого.

Въ языкѣ, нравахъ и обычаяхъ, не только между Юраками и Самоѣдами, есть нѣкоторая разность, но она замѣтна и въ самыхъ родахъ Самоѣдскихъ: Карасинскомъ, Хантайскомъ и Авамскомъ.

Самоѣды вообще рослы, статны, серьезны; Юраки нѣсколько менѣе ростомъ. Въ отношеніи нравственныхъ качествъ они занимаютъ средину между Тунгусами и Остяками. Прежде и не такъ давно Самоѣды были очень дики, такъ, что не рѣдко дѣлали кражи со взломомъ амбаровъ и совершали убійства, не повиновались начальству и неохотно платили ясакъ; при казенныхъ магазинахъ для безопасности ихъ имѣлось по три и по четыре казака и нерѣдко члены отдѣльнаго управленія подвергались опасности при проѣздахъ по тундрѣ, ибо вожаки Самоѣды, случалось, бросали ихъ, обрѣзывая поводки у оленей; и жителямъ приводилось отыскивать экипажи и виновныхъ. Нынѣ напротивъ. Юраки и Самоѣды волосъ не стригутъ, но содержатъ ихъ въ порядкѣ болѣе нежели Остяки, и, даже, Самоѣды послѣ употребленія пищи, при чемъ конечно они не имѣя вилокъ и салфетокъ употребляютъ въ дѣло свои руки, всегда моются, исполняя это и зимою въ своихъ чумахъ; за то посуда, въ которой готовятъ пищу, содержится въ величайшей неопрятности. Употребляютъ мясо всякаго звѣря, даже издохшихъ оленей; варятъ же все вмѣстѣ, и мясо оленье, и рыбу и куропатку, почти неочищенную. Оленье сало составляетъ величайшее лакомство. Женщины небезобразны и между ними встрѣчаются красивыя. Одежда какъ Самоѣдовъ, такъ и Юраковъ одинаковая; парка, или маль-

ца (у Юраковъ) изъ оленьей шкуры внизъ шерстью и сокуй также изъ оленьей шкуры шерстью въ верхъ. Мальца, нѣчто въ родѣ глухаго пальта, надѣваемая съ головы и довольно тѣсно облегающая шею, ничемъ не украшается, потому что составляетъ нижнее, или домашнее платье, развѣ дѣлаютъ какія либо прикрасы изъ пуговицъ и разноцвѣтныхъ суконъ для лѣтней одежды изъ выдѣланной оленины безъ шерсти; но сокуй у Сомоѣдовъ бываетъ двухъ родовъ: тоже въ родѣ глухаго пальта, однакожь довольно ширѣ, длиннѣе и вмѣстѣ съ шапкою въ родѣ Русскаго чабака, одинъ обыкновенный, ежедневно употребляемый, и другой, надѣваемый съ верху, въ случаѣ поѣздокъ и на промысла. Первый довольно затѣйливый, шьется или изъ малорослыхъ и разноцвѣтныхъ оленинъ, которыя еще при томъ подстригаются; подолъ рукава, грудь и спина украшаются широкими узорами изъ той же оленьей шкуры, вырѣзанной правильными треугольниками, или квадратами, и, кромѣ того, на спинѣ и на груди пришиваются тонкіе и узкіе ремешки, въ видѣ лентъ, изъ выдѣланной и окрашенной въ красный цвѣтъ оленины, или же шьется изъ красного, желтаго и чернаго сукна, лишь, у очень не многихъ, съ наименьшими украшениями изъ того же сукна; подолъ же того и другаго сокуя всегда опушается собачиною. Второй сокуй, употребляемый при промыслѣ оленей и въ большія путешествія, дѣлается изъ большихъ оленинъ шерстью въ верхъ, которыя подбираются такъ, чтобы наружный видъ походилъ на шкуру живаго оленя; на головной покрывкѣ, идущей отъ сокуя, впереди торчитъ большая длинная шишка. У Юраковъ сокуи шьются довольно красиво шахматами изъ пыжей, шкуръ недорослыхъ оленей, и также украшаются разнообразными узорами. Какъ Самоѣды, такъ и Юраки имѣютъ для прикрытія головы, подъ сокуйными шапками, небольшія шапочки, формою какъ чепчики изъ тоненькихъ разноцвѣтныхъ, или бѣлыхъ оленьихъ шкуръ, подобранныхъ довольно искусно и также испестренныхъ вышивками изъ цвѣтнаго сукна. Нижнее платье, какъ и упрочихъ инородцевъ, короткіе кожаные харки. На ногахъ Самоѣды носятъ сотуры, длинные сапоги, обыкновенно изъ бѣлыхъ камысовъ, которые шьются особеннымъ покроемъ, такъ что ступни почти не видать, а Юраки такіе же сотуры изъ темныхъ камысовъ, иногда украшаемыхъ бисеромъ. Впрочемъ здѣсь говорится преимущественно объ одеждѣ зимней, мѣховой; лѣтняя же вся дѣлается изъ кожъ безъ шерсти, ровдуги; большого сокуя и мальцы не носятъ вовсе. Костюмъ женщинъ, вообще, хотя походить на мужской, но сверхъ общаго нижняго платья, онѣ носятъ кожаный передникъ, пли нагрудникъ, украшенный металлическими украшениями, *баеами*, въ родѣ пластинокъ и поясъ съ разными металлическими веща-

ми, мѣднымъ, или желѣзнымъ кольцомъ, вмѣсто пряжки, ножомъ, огнивомъ и кошельками для табаку, иголокъ и проч., а голову покрываютъ большою шапкою, обложенною мѣхомъ росомахи, лисицы и др.

Интересна картина стоянки на тундрѣ самоѣдскихъ чумовъ. Чумы ихъ общей конусообразной конструкціи, довольно обширные и помѣстительные, всегда изъ оленьихъ шкуръ, которыхъ имѣютъ въ изобиліи, и по этому достаточно защищающіе отъ пургъ. Внутри, кромѣ очага на обычномъ мѣстѣ, по обѣимъ сторонамъ чума расположены олени сумы съ подручнымъ имуществомъ обитателей чума, изъ коихъ каждый имѣетъ свое опредѣленное мѣсто и занимаетъ его; тутъ же постель изъ оленины и оленье одѣяло, на ночь прикрѣпляемое однимъ верхнимъ концомъ къ чумовымъ шестамъ, такъ что оно образуетъ глухой покровъ, и подъ нимъ разные члены семейства спятъ отдѣльно другъ отъ друга, исключая, конечно, супруговъ и дѣтей. Такимъ же образомъ раздѣляется между членами семейства и все остальное. Кругомъ чума всегда стоитъ множество санокъ, или пустыхъ, или, болѣею частію, наполненныхъ, покрытыхъ оленинами и туго перевязанныхъ. Здѣсь сохраняются какъ главными хозяевами чума, такъ и другими обитателями его, имѣющими свои отдѣльные санки, все что принадлежитъ имъ: и шкуры пушныхъ звѣрей, и излишнее платье, и съѣстные запасы. Санки имѣютъ форму кабриолета на высокихъ копыльяхъ; у женскихъ санокъ, *дюфи*, передокъ и задокъ высоки, такъ что сидящая здѣсь женщина во время выюги свободно укрывается съ головы до ногъ олениною, на которой впереди дѣлаются отверстія для глазъ, чтобы можно было удобно править оленями. Также каждый изъ членовъ семейства и женщины имѣютъ своихъ отдѣльныхъ оленей, на которыхъ совершаютъ переѣзды и, даже дѣтямъ даются въ удѣлъ престарѣлые олени для маленькихъ вояжей около чума, когда, съ наступленіемъ весны, день дѣлается длинный и солнце привѣтливо пригрѣваетъ, послѣ суровой и продолжительной зимы. Равно такой же надѣлъ извѣстными частями идетъ во время промысловъ дикихъ оленей; каждому мужчинѣ и женщинѣ достается свой пай, который и берегается въ прокъ. Во время же приготовленія пищи, т. е. когда варится оленье мясо въ общемъ котлѣ, чѣмъ распоряжается главная хозяйка чума, прочія лица, пользующіяся надѣломъ, тутъ же кладутъ и свои части, и ихъ послѣ очень ловко отыскиваютъ и ѣдятъ въ отдѣльной селякѣ, небольшомъ деревянномъ корытцѣ. И все что нужно лично для себя: табакъ, иголки и т. п. запасается также каждымъ лицомъ, независимо, на свои собственные средства, т. е. вымѣномъ на олени шкуры, пѣжи, камсы, жилу и проч.

Но при такихъ, по видимому, разъединенныхъ отношеніяхъ семейныхъ узъ они, однакожъ, сохраняются прочно. Бракъ какъ у Самоѣдовъ, такъ и у Юраковъ весьма уважается, болѣе нежели прочими инородцами; супруги живутъ въ согласіи и любви, что выражается всегда кроткимъ обращеніемъ мужа съ женою, и рѣдкими случаями не вѣрностей съ стороны послѣдней. Дѣтей они такъ любятъ, что безпрерывно ласкаютъ, осыпая поцѣлуями. И обычай, что каждый чужой человѣкъ, мужчина или женщина, приходящіе въ чумъ, должны непременно цѣловаться со всѣми два раза въ обѣ щеки, доказываетъ тоже расположеніе къ пріязни. При наступленіи времени родить Самоѣдки, или Юрачки ей ставятъ особый чумъ, такой же какъ и обыкновенный, гдѣ живутъ, и она перебирается на время туда. Когда же наступитъ самый моментъ рожденія, повивальная бабка, которая также имѣется, ставитъ роженицу на ноги, обвязываетъ ее ремнемъ подъ мышками и концы ремня прикрѣпляетъ къ чумовымъ палкамъ, такъ, что бѣдная страдальца не можетъ ни сѣсть, ни лечь, пока не разрѣшится отъ бремени; а по разрѣшеніи, пробывъ въ своемъ чуму еще двое, или трое сутокъ, возвращается въ общій. Или же, если нельзя поставить особаго чума и нѣтъ бабки, то беременная женщина рождаетъ и въ томъ же чумѣ, лишь должно при рожденіи надѣть все свое платье и послѣ родинъ бросить его. Все же стойбище остается на одномъ мѣстѣ, пока у дитяти не отпадетъ, по перевязанному мѣсту, пупъ. Еще рассказываютъ, что, по разрѣшеніи отъ бремени, мать Юрачка должна оставаться у входа въ общій чумъ, безъ постели, на однихъ дровахъ до тѣхъ поръ, пока у младенца не отпадетъ пупъ, а потомъ оmyваетъ дитятю водою и садится на обычное мѣсто. Маленькихъ дѣтей держатъ въ колыбеляхъ, устроенныхъ изъ дерева, или бересты на подобіе ящика съ овальными боками, котораго одинъ конецъ, куда обращена голова, возвышеннѣе противоположнаго; къ колыбели придѣлана душка. Дитя кладется нагое на толченую древесную кору, или гнилушки, покрытое сверху оленьими лоскутьями, иногда берестою, и перевязанное ремнями. Такъ обыкновенно всѣ инородцы держатъ своихъ маленькихъ дѣтей.

Свадьба Юраковъ, живущихъ на Енисеѣ, начинается посылкою женихомъ свата, который условливается съ отцемъ невесты о колымѣ. По окончаніи переговоровъ родня жениха отправляется въ чумъ невесты и отвозитъ съ собою оленей и все, что было условлено въ колымѣ; здѣсь, изъ приведенныхъ оленей, самаго лучшаго убиваютъ, и ѣдятъ мясо его, то сырое, то вареное, — остатки же увозятъ домой, потому что изъ невестиной родни никто не угощается. На другой день мать

невѣсты, или какая либо близкая женщина отвозитъ къ жениху невѣсту и съ нею то, что назначено въ приданое сверхъ колыма: оленей, лопату, желѣзное сверло, рогатину, ремень для ловли оленей; невѣста въ послѣдній разъ надѣваетъ на голову дѣвичій нарядъ свой: басы, повязку изъ корольковъ и бисеру и обручъ изъ жести, на которомъ вырѣзаны разныя украшенія, и закрываетъ лицо свое. По пріѣздѣ къ чуму жениха, встрѣчаетъ ихъ мать его, или также какая нибудь другая женщина снимаетъ покрывало съ невѣсты, беретъ ее за руку, вводитъ въ чумъ и садитъ подлѣ жениха. По прошествіи брачной ночи молодая снимаетъ съ себя басы, которыхъ уже никогда не надѣваетъ и свадьбѣ конецъ. Не ранѣе какъ черезъ годъ, или болѣе, вышедшая за мужъ уже начинаетъ посѣщать своихъ родителей и тогда отвозитъ имъ приличные подарки. Такимъ образомъ празднуется свадьба Енисейскихъ Юраковъ, а о Тазовскихъ говорятъ, что они имѣютъ еще другой обрядъ. Дѣло начинается гаданіемъ шамана объ успѣхѣ. По полученіи благопріятнаго отвѣта, въ чумъ собирается вся семья и отецъ задумавшаго жениться Юрака выбираетъ свата, который, получивъ нужныя наставленія относительно колыма, а также лукъ и колчанъ съ стрѣлами, какъ особые эмблематическіе знаки своего достоинства, отправляется къ родителямъ невѣсты въ сопровожденіи еще нѣсколькихъ человѣкъ мужчннъ, обыкновенно родственниковъ жениха. Гостей никто не встрѣчаетъ и они, войдя въ чумъ, молча садятся во кругъ огня, тогда отецъ невѣсты, какъ будто ничего не знающій о цѣли прибытія ихъ, начинаетъ сурово предлагать вопросы: кто они, откуда и за чѣмъ пріѣхали? Сватъ продолжая молчать, закуриваетъ свою трубку и отыскиваетъ глазами дѣвицу назначенную въ жены, подаетъ ей колчанъ съ стрѣлами, а та, молча, передаетъ отцу, и тогда начинается условіе съ сватомъ о колымѣ, конечно больше въ пользу отца невѣсты. Когда же все будетъ соглашено, невѣста опроретью выбѣгаетъ изъ чума, сватъ съ своими спутниками бросается за нею, отыскиваютъ, берутъ насильно въ приготовленную за ранѣе нарту и отвозятъ въ чумъ къ жениху, куда въ слѣдъ за ними, отправляется и вся родня невѣсты. Здѣсь уже начинается шумное празднованіе свадьбы: пѣсни, пляски и угощеніе, послѣ чего отецъ молодой беретъ колымъ и возвращается въ свой чумъ, гости расходятся и свадьба кончается.

У нѣкоторыхъ инородцевъ существуетъ слѣдующій обычай: по окончаніи переговоровъ чрезъ свата, конечно о колымѣ и приданомъ, и по полученіи колыма отправляютъ невѣсту къ жениху съ приданымъ ея на оленяхъ, въ сопровожденіи кого либо изъ родственниковъ. Подѣхавъ къ чуму жениха, они объѣзжаютъ его вокругъ три раза; выхо-

дять родственники жениха, указываютъ прибывшей невѣстѣ гдѣ должны стоять ея санки, на которыхъ она пріѣхала, а самую вводятъ въ чумъ и сажаютъ подлѣ жениха, и тѣмъ заканчивается свадебный обрядъ. Или есть еще обычай Тазовскихъ же Юраковъ, впрочемъ, преимущественно состоятельныхъ: по окончаніи условій о колымѣ, родственники невѣсты въ назначенный день отправляются вмѣстѣ съ чумомъ къ жениху. Позади всѣхъ ѣдетъ невѣста, которая, прибывъ къ жилищу жениха, не сходитъ съ своихъ санокъ и сидитъ въ нихъ три, четыре часа, пока избранная по хорошимъ качествамъ женщина не сниметъ ее съ саней. Тогда она ставитъ свой чумъ, женихъ приходитъ въ него съ своею роднею и садится подлѣ невѣсты, оставаясь до вечера въ безмолвномъ положеніи, а потомъ совершается бракъ и — свадьба окончена.

Почти также совершается свадьба у Авамскихъ Самоѣдовъ, только съ тѣмъ различіемъ, что родители невѣсты, по полученіи колыма, отсылаютъ ее съ приданымъ и обыкновенно съ половиною оленей, полученныхъ въ колымѣ. Невѣста также ставитъ особо свой чумъ; будущій мужъ ея приходитъ въ него, снимаетъ съ себя одежду, а Самоѣдка, между тѣмъ, приносятъ лукъ и стрѣлы, подаетъ ему и начинаетъ расчесывать голову его. По совершеніи брака новобрачный тотчасъ же отправляется на охоту за оленями и, если не удача, то закалываетъ и своихъ и посылаетъ бывшего свата звать родителей молодой жены своей на угощеніе и извѣстить ихъ при томъ о цѣломудріи, или нецѣломудріи дочери; въ первомъ случаѣ дѣлаетъ имъ подарки, а въ противномъ отправляетъ обратно часть колыма съ упреками за то, что не сберегли дочери. Изъ этого можно судить, какъ еще чисты у этихъ дикарей понятія о нравственности, особенно о нравственности женщины, тогда какъ у болѣе образованныхъ народовъ встрѣчается противное этому. Русскій мужикъ никогда не будетъ въ претензіи на нецѣломудріе своей невѣсты. Цѣна колыму между состоятельными Самоѣдами очень большая: 100 оленей, 4 — 5 волковъ, 2 — 3 голубыхъ песца, 10 — 15 бѣлыхъ пѣсцовъ и по 2 аршина сукна разныхъ цвѣтовъ: красного, черного, желтого.

У Самоѣдовъ Енисейныхъ, или Карасинскихъ въ свадебныхъ обрядахъ условія о колымѣ и самомъ послѣдствіи брака есть нѣкоторыя измѣненія. Такъ сватъ приходитъ, или пріѣзжаетъ, обыкновенно держа въ рукѣ желѣзный костыль, который и ставитъ въ особое мѣсто, при входѣ въ чумъ родителей невѣсты, какъ знакъ причины своего прибытія, что и понимаютъ всѣ. По окончаніи условій о колымѣ и по полученіи его отцемъ невѣсты, а женихомъ ея приданого, сѣзжаются въ чумъ новобрачного и всѣ родные

невѣсты вмѣстѣ съ нею, колютъ оленей для угощенія и живутъ здѣсь нѣсколько времени. Въ условіяхъ о колымѣ болѣе умѣренности, чѣмъ у Авамскихъ Самоѣдовъ, именно онъ у состоятельныхъ опредѣляется 20 оленями, котломъ мѣднымъ, нѣсколькими волками, лисицами, песцами, а, если нѣтъ ихъ, то деньгами отъ 15 до 30 руб. сер., холстомъ и проч. Въ случаѣ несогласія, или нелюбви въ бракѣ супруги, по обоюдному согласію, тогда только могутъ разойтись, когда нѣтъ у нихъ дѣтей, въ противномъ случаѣ не могутъ этого сдѣлать. Если мужъ самъ отказывается отъ жены (бездѣтной), то лишается возврата колыма, а если жена оставляетъ его, то колымъ, полученный за нее, возвращается. По смерти старшаго брата на женѣ его, какъ уже оплаченной колымомъ, долженъ жениться младшій братъ.

Похороны у Юраковъ Енисейскихъ и у Самоѣдовъ совершаются такимъ образомъ: умершаго одѣваютъ въ одежду, которую онъ носилъ, пимы, мальцу и сокуй, потомъ завертываютъ въ оленины, или нюкъ, ровдугу, завязываютъ крѣпко веревкою изъ жилъ и везутъ на оленяхъ же умершаго хоронить; если нѣтъ лѣсу, то просто кладутъ на землю, или садятъ въ сани, а если есть лѣсъ непременно выбираютъ высокое мѣсто, которое огараживаютъ и тутъ кладутъ покойника, головою къ востоку, и съ нимъ все, что принадлежало ему: ружье съ изломаннымъ куркомъ, лукъ съ перерѣзанною тетивою, стрѣлы изломанные, котель съ просверленнымъ дномъ, чтобы ни кто не могъ пользоваться этимъ, огниво, кремь, табакъ и къ этому присоединяютъ кусокъ говядины, или сала.

Тѣ же (у Авамскихъ Самоѣдовъ), которые должны были браться за мертвеца, отрѣзываютъ рукавицы свои отъ сокуя и подошвы у сапоговъ и бросаютъ туда же въ могилу, а сами, по возвращеніи въ чумъ, окуриваются на огнѣ. Умершую жетщину у Авамцевъ выносятъ тою стороною чума, подъ которою она умерла, и съ нею оставляютъ на мѣстѣ погребенія не только все то, что носила она, но, даже, что шила другимъ; также колютъ оленей и мужъ обязанъ три года навѣщать могилу ея и приносить здѣсь жертвы оленями, или какимъ нибудь другимъ звѣремъ. Оленей же, на которыхъ привозятъ хоронить покойника, убиваютъ тутъ же, на мѣстѣ, заразъ палкою и затѣмъ еще колютъ, санки обарачиваютъ въ верхъ полозьями и надкалываютъ ихъ; хорей, длинный остроконечный шестъ, которымъ правятъ оленями, ставятъ у сруба и привязываютъ къ нему колокольчикъ. Послѣ этого, возвратившись домой, тотчасъ же снимаются съ того мѣста, гдѣ умеръ ихъ сородичъ и отправляются далѣе, и никогда ранѣе года не приходятъ опять сюда же. Иныхъ же просто отвозятъ въ тундру далѣе со всѣмъ ихъ

имуществомъ и оставляютъ въ тѣхъ саняхъ, которые принадлежали имъ; закалываютъ оленей, если есть они. Изъ чума же умершаго выносятъ не въ дверь, а по направленію головы, когда онъ умеръ, и для этого эту часть чума разбираютъ. Женщинъ хоронятъ такимъ же образомъ, но только съ ними оставляютъ, какъ уже сказано и то, что ими было сшито при жизни изъ одежды и проч., что, натурально, весьма раззорительно для мужа, отца, или брата умершей. Во многихъ мѣстахъ по большой тундрѣ, гдѣ обыкновенно аргишатъ Авамскіе Самоѣды, встрѣчается по нѣскольку развалившихся и полусгнившихъ санокъ, означающихъ похоронные клавбища въ тѣ времена, когда оспа и горячка истребляли инородцевъ и когда они, бросая больныхъ и умершихъ, спѣшили укрыться отъ смерти. Быть Туруханскихъ Самоѣдовъ мало извѣстенъ и потому, въ отношеніи ихъ, встрѣчается здѣсь не полнота; но вообще преданія какъ ихъ, такъ и Юраковъ, заключающа въ себѣ воспоминанія о лучшихъ временахъ, большомъ числѣ ихъ племенъ, изобиліи промысловъ, избыткѣ оленей и проч. Видно, что и ихъ исторія не лишена воинственныхъ событій. Такъ Тазовскіе Юракп, вспоминая о нападеніи своихъ предковъ на г. Мангазею и объ истребленіи его жителей, приписываютъ настояще свое незавидное положеніе возмездію за это и остаются довольны, что не удалось покушеніе ихъ предковъ уничтожить Туруханскъ, при приближеніи къ которому, за нѣсколько верстъ, они были поражены внезапною слѣпотою, и до нынѣ это мѣсто знаменуется часовнею, или крестомъ, такъ какъ и Русскіе вѣрятъ справедливости сего событія. Въ сказаніяхъ Самоѣдовъ есть нѣкоторые отблески рыцарства, или богатырства. Такъ у нихъ бывали знаменитые князцы-богатыри, которые носили особыя наименованія, на прим. Мѣдная Шапка, Мѣдные Наручни, Желѣзный Лукъ, Серебряные Наглазники, Желѣзная Парка и т. п. Они извѣстны какъ главные воеводы, сражавшіеся съ разными чудовищами, которыхъ, конечно, и побѣждали, и похищавшіе такихъ красавицъ, что красота ихъ ярко блистала въ чумахъ, при темнотѣ ночной. Жаль, что трудно, по незнанію языка Самоѣдскаго, пріобрѣсть, во всей подробности, рассказы о преданіяхъ этихъ.

Приведеніе къ сознанію виновнаго у Юраковъ тоже самое какъ и у другихъ инородцевъ: посредствомъ медвѣжей и горностаевой ноздри, только съ нѣкоторымъ измѣненіемъ. Когда подозрѣваемый упорствуетъ сознаться, приносятъ медвѣжью ноздрю и кладутъ ее среди чума, которой онъ долженъ кланяться и цѣловать ее. Послѣ этого старшіе берутъ топоръ и выказывая намѣреніе рубить страшную ноздрю, говорятъ громко, чтобы медвѣдь задралъ виновника и чтобы его не было на землѣ

ихъ; тогда напуганный послѣдствіями преступникъ, бросаясь къ исполнителямъ, останавливаетъ ихъ и сознается въ своей винѣ. Тоже самое дѣлаютъ и съ горностаевою ноздрей, съ такимъ приговоромъ, что этотъ вѣрный и быстрый звѣрекъ скорѣе медвѣдя можетъ убить преступника. На чемъ это послѣднее убѣжденіе основано — неизвѣстно.

Юраки чуть-ли не болѣе другихъ инородцевъ, исключая развѣ Тунгусовъ, склонны къ поэзій. У нихъ, кромѣ импровизованнаго выраженія наглядныхъ предметовъ, есть постоянныя пѣсни и даже романическія, гдѣ они воспѣваютъ нѣжныя чувства. Существуютъ и сказки, гдѣ передаются разные, впрочемъ, болѣе частные случаи, и потому мы ихъ не приводимъ здѣсь. Юраки, какъ соплеменные Самоѣдамъ, съ которыми, однакожъ, они не находятся въ очень близкихъ отношеніяхъ, говорятъ нарѣчіемъ Юрако-Самоѣдскимъ, составляющимъ, по изслѣдованію извѣстнаго Кастрена, видоизмѣненіе Самоѣдскаго языка.

Якуты, племя весьма извѣстное по разнымъ описаніямъ Якутской области, гдѣ они преимущественно живутъ. Когда они переселились въ Туруханскій край положительно неизвѣстно. Здѣсь они, какъ мы уже видѣли, заняли двѣ мѣстности: въ Шорохиной, около Туруханска, и за Тундрою по Хетѣ, Хатангѣ и Анабарѣ и между этими рѣками. Вездѣ Якуты живутъ оседло въ обыкновенныхъ избахъ. Шорохинскіе Якуты отъ сближенія съ Русскими совершенно утратили всю свою народность и усвоили себѣ обычаи ихъ; даже въ одеждѣ и наружномъ видѣ незамѣтно почти ничего принадлежащаго ихъ происхожденію; напротивъ Якуты Затундринскіе сохранили свою народность во многомъ.

Якуты роста средняго, крѣпкаго тѣлосложенія, въ фیزیономіи ихъ много татарскаго. Наружность имѣютъ благообразную и между женщинами встрѣчаются даже красавицы, съ большими черными и выразительными глазами, румянцемъ на пріятномъ лицѣ и кокетствомъ, по сознанію своихъ достоинствъ. Это почти полуобразованное племя между другими инородцами Туруханскаго края. Одежда Якутовъ и, особенно, Якутокъ довольно нарядна. Якутка въ своемъ саванѣхъ, коротенькомъ капотѣ, тѣсно облегающемъ весь станъ, изъ молодой оленьей шкуры шерстью вверхъ, опушенной шитою узорами широкою каймою, узенькихъ сотурахъ, въ длинныхъ кистяхъ корольковъ, стекляруса, серебряныхъ монетъ, искусно подобранныхъ и украшающихъ черныя косы, въ широкомъ бисерномъ поясѣ, на которомъ виситъ множество разныхъ кошельковъ, также украшенныхъ бисеромъ, съ повязкою на шеѣ изъ бѣлыхъ хвостовъ и большой лисьей шапкѣ, весьма интересна, когда она мчится по широкой тундрѣ на нартѣ, ловко управляя оленями своими.

къ шорохнискіе, такъ затундринскіе живутъ безнуждно, а избыточно, владѣя если не большими стадами оленей, какъ инородцы, то всегда достаточнымъ количествомъ и имѣя подлѣ обильные промыслы: рыбныя и звѣринныя. Рыбу промысляютъ рѣдкими неводами, запорами изъ лѣсу рѣчекъ и костяными спицами, дѣлаемыми изъ оленьихъ роговъ и костей. Приготовление рыбной пищи такое же какъ и у другихъ жителей: юкалы, варки персы. Сельдеи, промысляютъ въ августѣ мѣсяцѣ, сохтаниютъ въ вырытыхъ ямахъ, гдѣ они окисляются, и въ такомъ видѣ считаются лакомымъ кушаньемъ. Промыселъ звѣря заключается въ добычѣ дикихъ оленей, песцовъ и волховъ. Оленей, между прочимъ, бьютъ изъ нарочно настороживаемыхъ луковъ, со стрѣлами и даютъ жиленными петлями. Употребленіе ихъ тоже самое, но мясо рѣжутъ мелко и сушатъ, и въ такомъ видѣ оно называется *уликтою*. Впрочемъ Якуты, живущіе на Анабарѣ и между ею и Хатангою, не такъ зажиточны какъ Хетскіе или Хатангскіе, крайне нуждаясь въ промысловыхъ снарядахъ, особенно въ коноплѣ и потому здѣсь они по нѣскольку человѣкъ соединяются вмѣстѣ и однимъ неводомъ промысляютъ рыбу.

Якуты любятъ жить болѣе общественнѣе, чѣмъ другіе инородцы и, даже, чѣмъ самые русскіе жители по тундрѣ. Здѣсь встрѣчается не мало ихъ жилищъ по нѣскольку домовъ вмѣстѣ. Дома ихъ мало отличаются отъ избъ крестьянскихъ, развѣ только меньшею чистотою и широкими нарами, устраиваемыми по обѣимъ сторонамъ избы. Такая же печь изъ битой глины въ одной сторонѣ; большія сѣни съ кладовою для помѣщенія собакъ и проч.

Лѣтомъ же Якуты выѣзжаютъ въ особыя землянки, имѣющіяся на мѣстахъ ихъ рыбнаго промысла. Не слышно въ Туруханскомъ краѣ, чтобы они придерживались шаманства, какъ и другіе крещенные инородцы. Близость, ко многимъ изъ нихъ, Хатангской церкви и нерѣдкое посѣщеніе священникомъ, конечно, имѣютъ благотворное вліяніе на вѣру ихъ. Обряды крещенія, брака, похоронъ и проч. они стараются выполнять по уставамъ церкви. И въ нравахъ ихъ замѣтно болѣе общежительности; даже, кажется, они менѣе лукавы и плутоваты, чѣмъ ихъ Якутскіе сородичи. Быть можетъ имѣетъ на нихъ не малое вліяніе частое родство съ Русскими, которые иногда берутъ у Якутовъ женъ себѣ, по недостатку у себя женщинъ. И дѣйствительно за тундрою не рѣдко встрѣчаются семьи, состоящія изъ смѣси Якутовъ съ Русскими. Якуты, обладая большою смѣтливостію и переимчивостію, вообще весьма трудолюбивы, а Якутки руководѣльны; въ Якутской области первые дѣлаютъ прекрасныя разныя вещи изъ мамонтовой или слоновой кости, а

вторыя мастерски шьютъ и вишивають одежду и прочее. Здѣсь же, въ Туруханскомъ краѣ, дѣятельность Якутовъ въ этомъ отношеніи весьма ограничена или по недостатку средствъ и матеріаловъ, или же потому, что не представляется способовъ къ выгодному сбыту произведеній ихъ; но только мастерство и рукодѣлье ихъ не проявляется ни въ чемъ почти, исключая ихъ собственныхъ домашнихъ потребностей. У Якутовъ нѣтъ ни музыки, ни пѣсенъ; но за то они большіе охотники до плясокъ, которыя имѣютъ общій у всѣхъ инородцевъ характеръ, медленное переступленіе съ ноги на ногу въ общемъ кружкѣ, съ припѣвомъ: хейра, хейра, хечу, хечу, хугай урай, хугай урай; аггай, аггай. Вообще Якуты весьма склонны къ постоянной осѣдлости и изъ нихъ могли бы образоваться отличные земледѣльцы, если бы край былъ способенъ къ этому. У всѣхъ Якутовъ считалось въ 1841 году до 1420 оленей и до 178 собакъ, такъ что на каждое обитаемое ими мѣсто приходилось до 47 оленей и 6 собакъ.

Главная господствующая вѣра въ Туруханскомъ краѣ православная. Ее исповѣдываютъ всѣ русскіе жители и большая часть инородцевъ. Для исполненія потребностей религіи находится пять постоянныхъ мѣстныхъ церквей и одна подвижная, называемая походною, для инородцевъ. Первыя находятся: въ Туруханскѣ, каменная, во имя Преображенія Господня и причисленная къ ней деревянная во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, старая и уже ветхая, гдѣ, впрочемъ, зимою служба совершается; прихожанами этой церкви, болѣе 600 душъ обоего пола, считаются жители г. Туруханска, Шорохинскіе Якуты и Остяки, обитающіе по мѣстностямъ рѣкъ Карасиной, нижней и верхней Балхи, Турухану и другимъ; въ Верхнеинбатскѣ, каменная, во имя Успенія Божіей Матери, прихожанами которой, до 1050 душъ обоего пола, считаются жители станковъ, лежащихъ по Енисею, исключая пяти послѣднихъ къ границѣ съ Енисейскимъ округомъ, которые принадлежатъ къ приходу Вороговской церкви, и Остяки, обитающіе по берегамъ Енисея и впадающимъ въ него рѣчкамъ; въ Дудиной, каменная, во имя Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы, въ приходѣ которой числится до 230 душъ Русскихъ обоего пола и инородцевъ Юраковъ, Самоѣдовъ и Долгановъ до 200 душъ, обитающихъ по Енисею, прилегающимъ къ нему озерамъ и рѣчкамъ и по Пясиной; на Толстомъ-Носу — во имя Святителя Николая Чудотворца, деревянная, считающаяся подъ вѣдомствомъ Дудинскаго священника, гдѣ прихожане жители низовьевъ Енисея; на Хатангѣ, деревянная, во имя Богоявленія Господня, къ ко-

торой состоятъ причисленными всѣ обитатели тундры отъ Пясиной до Анабары, Русскіе и инородцы, числомъ не менѣе 1000 душъ обоого пола, и на Тазу, во имя Святителя Николая, деревянная, гдѣ состоятъ въ приходѣ одни только Остяки и Юраки до 700 душъ обоого пола. Всѣ эти церкви не отличаются богатствомъ утвари и благолѣпіемъ, по бѣдности своихъ прихожанъ. Если есть какой либо доходъ, то, конечно, только отъ Русскихъ, — инородцы-же никакого пособія не дѣлаютъ. Деревянные Церкви, какъ выстроенныя давно, ветхи; въ особенности требуютъ вниманія Хатангская и Тазовская церкви. При каждой церкви, исключая Толетъ Носовской, находится священникъ; но ни гдѣ нѣтъ дьяконовъ и не вездѣ есть причетники, что весьма затрудняетъ священниковъ въ исполненіи требъ. Туруханская церковь пользуется нѣкоторымъ правомъ старшинства, такъ какъ священникъ ея обыкновенно носитъ званіе Благодѣйнаго всѣхъ церквей Туруханскаго края.

Цѣль правительства учрежденія въ 1850 г. въ Туруханскомъ краѣ походной церкви, была для просвѣщенія инородцевъ и для совершенія богослуженія и христіанскихъ требъ, собственно въ тѣхъ мѣстахъ Нижней Тунгуски, гдѣ обитаютъ новокрещенные Тунгусы Таймурской, Нижнечумской и другихъ ордъ. Но движеніе ея по назначеннымъ предѣламъ еще до сего времени неначиналось по трудности сообщенія большой тяжести принадлежностей церкви, составляющихъ до 60 пуд. и послѣдовавшему измѣненію въ существованіи казенныхъ магазиновъ на Тунгусѣ, гдѣ бы должны были находиться сборныя мѣста Тунгусовъ, и только священники церкви, одни сами совершали по временамъ путешествія въ нѣкоторыя мѣста края, для выполненія своихъ обязанностей. Въ слѣдствіе этого дальнѣйшее назначеніе походной церкви составляетъ еще пока неразрѣшенный предметъ особенной заботливости епархіальнаго и гражданскаго начальства. Но, основываясь на имѣющихся данныхъ, представляется болѣе полезнымъ и возможнымъ дать ей другое направленіе, именно, вмѣсто р. Нижней Тунгуски и ея окрестностей, по Енисею для обитателей его, отъ Ямскаго станка до Карасинскаго.

По всѣму этому пространству походный причтъ, при разѣздахъ своихъ съ церковью, за плату казенныхъ прогоновъ, не встрѣтитъ тѣхъ препятствій, какія предстоятъ ему на Тунгускѣ, или въ другихъ мѣстахъ края. Исключая распутицы, жители могутъ во всякое время года, безъ стѣсненія, препровождать церковь съ причтомъ отъ одного станка до другаго. Кромѣ того, движеніе походной церкви по Енисею будетъ полезнѣе, чѣмъ по Тунгускѣ, или гдѣ либо. Церковь, вмѣсто большихъ издержекъ казны, можетъ ограничиться данными ей средствами къ проѣзду; священники, всегда по обѣимъ сторонамъ р. Енисея, бу-

дуть находить для себя дѣятельность. Проѣзжая по правому берегу, въ разныя времена года, при каждомъ хлѣбномъ магазинѣ, можно встрѣчать Тунгусовъ: при Ямскомъ, Балтинскомъ и Міроѣдинскомъ — Нижнечумскихъ и часть Панкагирскихъ, въ селѣ Монастырскомъ старшинъ Илимпейской и Турыжской ордъ, съ семействами; а Тунгусовъ, обитающихъ на Мантуйскомъ, Хантайскомъ и другихъ смѣжныхъ озерахъ, есть возможность видѣть при Курейскомъ и Корасинскомъ магазинахъ, или проѣзжать съ ними же на тѣ озера, гдѣ они обитаютъ. Собирающихся же нынѣ къ подвижному магазину при устьѣ р. Лѣтней въ небольшомъ числѣ Тунгусовъ также можно найти при магазинахъ по Енисею, какъ и другихъ ихъ родовичей. Но одними Тунгусами не должна ограничиваться дѣятельность Церкви. По всему протяженію того же берега находится до 14 станковъ Русскихъ, а по лѣвому берегу много бродитъ Остяковъ, и по этому движеніе церкви на Енисеѣ не обходимо сколько для Тунгусовъ и Остяковъ, столько-же для самыхъ оседлыхъ жителей, ибо послѣдніе хотя и находятся подъ вѣденіемъ Церковей Верхне-Инбатской и Туруханской, но, живя вдали отъ нихъ, не имѣютъ возможности съ частыми нуждами обращаться къ церкви и приходскому своему священнику, отъ чего многія требы исполняются чрезъ нѣсколько лѣтъ. Особенная-же дѣятельность церкви требуется для Остяковъ, которые хотя и давно обратились изъ язычества въ Православіе, но не менѣе Тунгусовъ имѣютъ нужду въ просвѣщеніи и наученіи правиламъ Христіанской религіи. — Живя въ отдаленіи отъ церкви и безъ пастырскаго надзора, они вовсе не заботятся о выполненіи христіанскихъ обязанностей, оставляя дѣтей некрещенными даже до 10-ти лѣтняго возраста, а о прочихъ тайнствахъ и обрядахъ церкви и вовсе не знаютъ. Для удобства-же дѣйствій походной церкви, ограничивъ ихъ опредѣленною мѣстностью, необходимо: а) выстроить на нѣкоторыхъ станкахъ и другихъ мѣстахъ деревянные часовни, въ нихъ церкви, какъ для разстановки въ лѣтнѣе, бурное время, такъ и зимою, а также не бесполезно бы имѣть особыя сборныя избы для инородцевъ, чтобы они не обременяли жителей; б) опредѣлить время куда и гдѣ именно должна имѣть церковь свое пребываніе, въ избѣжаніе частыхъ и все таки болѣе, или менѣе обременительныхъ жителямъ переѣздовъ ея и для большихъ успѣховъ въ своемъ назначеніи и в) преподавать ученія религіи. Для перевода не понимающихъ русскаго языка инородцамъ и для исполненія обязанностей церковнаго старосты должно сдѣлать обязательнымъ выборъ изъ среды Тунгусовъ, или Остяковъ, хорошо знающихъ русскій языкъ.

При походной Троицкой церкви состоитъ два священника и два

причетника, которые обязаны поочередно исполнять свои обязанности, и по этому послѣднія не должны быть обременительны для нихъ.

Положеніе Туруханскаго духовенства при мѣстныхъ церквахъ, хотя и обезпечено жалованьемъ, но недостаточно относительно дороговизны во всѣмъ въ краѣ, именно на три церкви Туруханскую, Верхненибанскую и Хатангскую отпускается по 350 руб. сер. на Дудинскую 280 руб. и Тазовскую 270 руб. ежегодно. Болѣе обезпечено духовенство походной церкви, получающее: каждый священникъ по 471 руб. 7 коп. сер., и причетникъ по 120 рублей 20 коп. сер. въ годъ. Но, вообще, быть духовенства, по видимому не представляетъ ни въ чемъ особенной нужды.

Туруханскій Троицкій, 3-го класса, мужескій монастырь, построенъ въ 1660 г. по указу Царя Алексѣя Михайловича, послѣдовавшему по челобитной жителей г. Мангазеи, при впаденіи р. Нижней Тунгуски въ Енисей на лѣвой сторонѣ его, въ 30 вер. отъ Туруханска. Основателемъ былъ Іеромонахъ Тихонъ, при помощи пожелавшихъ съ нимъ иночествовать пяти старцевъ, также нѣкоторыхъ начальствующихъ лицъ и жителей Мангазеи. Въ 1664 г. строителемъ монастыря съ братією заложена и сооружена первая деревянная церковь во имя Живоначальныя Троицы, а въ 1670 г. по случаю перенесенія Тихономъ изъ г. Мангазеи, нетлѣнныхъ останковъ извѣстнаго въ этомъ краѣ Василия Мангазейскаго, потерпѣвшаго въ Мангазеѣ насильственную смерть въ 1601—1602 г. и прославившагося разными чудесами въ народѣ, оказывавшемъ ему большое почитаніе, монастырь сталъ болѣе извѣстенъ. Въ 1788 г. Игуменомъ монастыря Михаиломъ, по случаю разрушенія старой церкви, тѣло Василия вновь перенесено и погребено въ нынѣ существующей Троицкой церкви, гдѣ могила для гроба отстроена на правой сторонѣ церкви, не далеко отъ стѣны, въ углубеніи подъ поломъ, выложена кирпичами, а вмѣсто надъ-гробія надъ церковнымъ помостомъ поставленъ четырехугольный большой столъ въ одеждѣ, покрытый пеленою. И въ настоящее время мощи Василия Мангазейскаго пользуются большимъ уваженіемъ въ народѣ. Здѣсь-же въ монастырѣ, въ особой часовнѣ, покоются и останки Іеромонаха Тихона, скончавшагося въ 1682 году, которому также совершаютъ панихиды и всенощныя бдѣнія. Послѣ него, между прочимъ, сохраняются, какъ доказательства его подвиж-

ничества, желѣзныя вереги, вѣсомъ въ полъ пуда, носившіяся имъ на голомъ тѣлѣ, и кресты, надѣвавшіеся одинъ, вмѣсто парамона, въ фунтъ, назади, а другой 2 фунта, на персяхъ.

При тогдашнемъ благосостояніи Туруханскаго края и при томъ почитаніи, какое оказывалось Василию Мангазейскому, отъ стекавшагося множества богомольцевъ, Туруханскій Троицкій монастырь много пріобрѣталъ для себя выгодъ. Хотя онъ потерпѣлъ нѣсколько пожаровъ, какъ на прим. въ 1745 г. сгорѣла первая деревянная церковь во имя Благовѣщенія и новопридѣльная Троицкая съ ризницею и церковною утварью, но тотчасъ же обстраивался и какъ внѣ ограды, такъ и внутри ея имѣлъ много разныхъ деревянныхъ зданій. Монастырь владѣлъ также разными угодьями, въ 50 вер. отъ него вверхъ по Енисею по правую его сторону на рѣчкѣ Мельничной была мельница съ рабочимъ домомъ при ней около 1640 г., однимъ промышленникомъ открыты были на берегу рѣчки Манзы, нынѣ Усолка, въ Канскомъ округѣ, богатые соляные ключи, гдѣ онъ, въ послѣдствіи, устроилъ соловаренный заводъ и подуховному завѣщанію, передалъ его во владѣніе монастырю который и распоряжался вываркою и продажею соли въ казну и въ частныя руки. На вершинѣ р. Нижней Тунгуски, въ Киренскомъ округѣ, какъ говорятъ въ 1,500 вер., монастырь имѣлъ замку съ деревянною при ней церковію во имя Спасо - Преображенія, а внизъ по Енисею, въ морской губѣ, находились Песцовыя заводы съ разными при нихъ строеніями. Кромѣ того монастырь имѣлъ особыя подворья въ Красноярскѣ и Енисейскѣ, и въ послѣднемъ, называвшееся Абалаковскимъ, съ церковію во имя Владимірской Божіей Матери, которая въ послѣдствіи, по желанію прихожанъ Енисейской Христо - Рождественской церкви, назначена кладбищенскою церковію. По учрежденіи штатовъ въ 1764 г., вотчины монастырскія поступили въ государственное владѣніе, а мельница вскорѣ упразднена и теперь только сохранились развалины рабочаго дома.

Нынѣ когда Туруханскій край пришелъ въ упадокъ и по своей промышленности, и по населенію, вмѣстѣ съ тѣмъ оскудѣлъ и Троицкій Монастырь. Онъ пользуется только незначительными рыбными ловлями на Енисеѣ и сѣнными покосами и существуетъ кое - какъ собственными трудами. Теперь всѣ зданія монастыря, исключая одной каменной цер-

кви, весьма обветшали и требуютъ или серьезнаго исправленія ихъ, или замѣны новыми зданіями, что въ томъ и другомъ случаѣ должно стоять весьма дорого, и поэтому имѣются предположенія о закрытіи во-все монастыря, или о переводѣ его въ другое мѣсто Енисейской губерніи, предоставивъ монастырскія церкви и зданія помѣщенію походной церкви и ея духовенства. Но намъ кажется было бы весьма полезно возложить на монашествующихъ исполненіе обязанностей священниковъ походной церкви, а должности этихъ послѣднихъ упразднить. Для монаха гораздо болѣе соотвѣтственно это трудное дѣло, сопряженное съ лишеніями и пожертвованіями даже здоровья, нежели для бѣлаго духовенства, обязаннаго заботою о своихъ семействахъ, съ которыми они должны разлучаться на неопредѣленное время; но затрудненіе въ томъ, что мало желающихъ для поступленія въ Туруханскій монастырь и теперь штатъ его состоитъ только изъ трехъ человѣкъ, въ томъ числѣ и настоятеля.

Кромѣ церквей и монастыря находятся въ Туруханскомъ краѣ 4 деревянные часовни; другихъ иновѣрческихъ храмовъ нѣтъ.

Нечего говорить о томъ, что, при разсѣянности населенія на такомъ обширномъ пространствѣ, затруднительности въ сообщеніяхъ и малочисленности духовенства, жители вообще мало просвѣщены истинами Евангелія; но они, не смотря на то, большею частію религіозны и стараются соблюдать праздники и въ этомъ случаѣ тундринскіе обитатели руководствуются особеннаго рода святцами, называемыми тамъ *псхаліями*. Это сдѣланная изъ дерева, или, преимущественно, изъ мамонтовой кости палочка величиною въ четверть, имѣющая середину болѣе выкуплюю, чѣмъ концы. Палочка имѣетъ шесть остроконечныхъ сторонъ раздѣляющихся по поламъ надрѣзомъ по срединѣ во кругъ палочки, и такимъ образомъ выходитъ двѣнадцать равномѣрныхъ, острыхъ сторонъ, которые и означаютъ мѣсяцы; на каждой сторонѣ сдѣланы поперечныя надрѣзки по числу дней мѣсяца и противъ нихъ въ разныхъ мѣстахъ вырѣзаны особенные знаки, означающіе праздники. Счетъ года ведется съ марта мѣсяца и за тѣмъ слѣдуютъ всѣ праздники, чтимые за тундрой, въ такомъ порядкѣ: въ мартѣ сорока Святыхъ мучениковъ, Алексія Божія человѣка и Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, въ апрѣлѣ Св. Георгія Побѣдоносца, въ маѣ Св. Николая Чудотворца и Елены и Константина, въ іюнѣ Преп. Онуфрія, Владимірской Божіей Матери, Рожде-

ства Іоанна Предтечи и Св. Апостоловъ Петра и Павла, въ іюлѣ св. равноапостольнаго Князя Владиміра. Кирика и Улиты и Ильи Пророка, въ Августѣ Преображенія Господня, Успенья Пр. Богородицы, Нерукотвореннаго Образа Спаса и Усѣиновеніе Главы Іоанна Предтечи, въ сентябрѣ преп. Симеона Столпника, Рождества Пр. Богородицы, Воздвиженіе Св. креста, и Св. Димитрія, Митропол. Ростовскаго, въ октябрѣ Покровъ Пресв. Богородицы и Св. Димитрія Великомучен., въ ноябрѣ св. Козьмы и Даміана, Св. Михаила Архангела и Входъ во храмъ Пресв. Богородицы, въ декабрѣ Св. Варвары Великомученицы, Святителя Николая, Св. Спиридона и Рождества Христова, въ генварѣ Новый годъ, Крещеніе, св. Аѳанасія и трехъ Святителей и въ февралѣ Срѣтенье Господне. Кромѣ того на тѣхъ-же пасхаліяхъ нарѣзываются особые знаки, означающіе какія либо семейныя событія: смерть кого либо, или день поминаенія, именинъ и т. п. Каждый порядочный житель имѣетъ подобныя святцы и по нимъ вѣрно опредѣляетъ мѣсяць, число и праздники, какіе нужны. Свѣдѣнія объ этомъ счисленіи передаются изъ рода въ родъ и устарѣвшія отъ времени пасхаліи тотчасъ-же замѣняются другими (*).

Инородцы Туруханскаго края одни обращены въ христіанскую вѣру, другіе остаются въ язычествѣ, но и обратившіеся къ Православію, придерживаются язычества. Такъ Остяки считаются уже давно христіанами, болѣе сближены съ Русскими и слѣдовательно могли-бы лучше другихъ выполнять обряды вѣры, однакожь врядъ-ли не менѣе всѣхъ другихъ инородцевъ исполняютъ это. Страсть къ Шаманству не оставляетъ ихъ до нынѣ, особенно для узнанія успѣха въ промыслахъ, леченія больныхъ и проч. Между Богихинскими и Карасинскими Остяками есть не мало шамановъ, которые, какъ и у язычниковъ, выполняютъ свои обязанности во всей точности. Якуты всѣ христіане и лучше другихъ инородцевъ выполняютъ обязанности религіи; почти у каждаго Якута въ избѣ найдется мѣдный образокъ и предъ нимъ восковая свѣчка. За ними слѣдуютъ Долганы, большею частію, обращенные въ Православіе, ко-

(*) Подобнаго рода сельскія святцы есть въ нѣкоторыхъ и другихъ мѣстахъ Сибири. Такъ ленскіе жители употребляютъ деревянные дощечки, на которыхъ праздники означаются соответствующими имъ символическими знаками.

которые также склонны къ религіозности. Далѣе Тунгусы, должно полагать на половину христіане, и потомъ Юраки, хотя изъ нихъ Тазовскіе состоятъ причисленными къ Николаевской церкви на Тазу, гдѣ живетъ постоянно и священникъ; между самоѣдами-же весьма мало христіанъ. Истуканы различныхъ видовъ и изображенія нѣкоторыхъ животныхъ и птицъ, какъ напр. медвѣдя, гагары, лебедя составляютъ для нихъ олицетвореніе Божества, которому они поклоняются, а шаманы служатъ преимущественно прорицателями будущаго и изцѣлителями болѣзней.

Скажемъ нѣсколько словъ вообще о шаманствѣ инородцевъ, хотя этотъ предметъ и былъ неоднократно подробно осматриваемъ. Шаманство есть почитаніе различныхъ духовъ, съ присвоеніемъ имъ качествъ добрыхъ и злыхъ, вліяющихъ на людей. Такимъ образомъ этыгеръ, подобіе большаго змѣя, обитатель странъ подземныхъ, имѣетъ власть надъ повѣтріями, болѣзнями, смертію; Ииняны, видъ человѣка съ орлиными крыльями, предохраняютъ звѣрей отъ падежа; Аркунга, духъ воздуха, владѣетъ предвѣденіемъ будущаго. Впрочемъ всѣ инородцы признаютъ единого Бога, котораго именуютъ Тунгусы, *Шевани*, Остяки *Ессы*, Самоѣды *Ла*, Юраки *Нумъ* и Якуты *Таара*; но понятіе ихъ о Богѣ тѣмъ и ограничивается почти; главныя отношенія, съ ближайшимъ пониманіемъ значенія, силы и свойствъ духовъ, или божества совершаются уже чрезъ шамановъ. Въ шаманы поступаютъ болѣе ловкіе, смѣтливые и умные люди, посвященіемъ во всѣ таинства другими опытными шаманами, конечно сознающими шарлатанство своего званія. Главное дѣло шамана вызвать духовъ и повѣдать отъ нихъ, что требуется, въ избраніи направленія для удачи въ охотѣ, рыболовли, и проч., или чрезъ жертвоприношеніе умиловитъ разгнѣванныхъ, когда какъ-нибудь бѣдствіе постигло одно семейство, или цѣлое племя. — Для этого приглашенный шаманъ одѣвается предварительно въ свою одежду, состоящую изъ короткаго и тѣснаго платья изъ оленей безъ шерсти шкуры, окрашенной красною краскою; платье это обвѣшано разными металлическими изображеніями звѣрей, птицъ, стрѣлъ и проч., колокольчиками, другими побрякушками и къ нему на глухо пришиты рукавицы съ желѣзными когтями; на голову надѣвается металлическая, или кожаная остроконечная шапка съ рогами; на ноги сапоги, сотуры съ желѣзными же, или настоящими медвѣжьими когтями, и весь нарядъ до-

вершается поясомъ, также со множествомъ металлическихъ побрякушекъ. Шаманъ вооружается бубномъ, съ разными побрякушками, въ который бьетъ особыми лопаточками двумя, или одною, занимаетъ мѣсто посерединѣ чума, всего болѣе при отсутствіи свѣта и начинаетъ вызывать духовъ, пѣніемъ, криками, стенаніями, жестами и кривляніемъ, приходя въ постепенное насильственное иступленіе, такъ что оно кончается дѣйствительно какимъ то самозабвеніемъ и не рѣдко пѣною съ-рта. Присутствующіе сидятъ во кругъ и припѣваютъ односложные слова: *аее, аее*, вторя шеману. Слышится въ это время какой то глухой стукъ, странные звуки, движеніе чего то, что естественно искусно производитъ самъ шаманъ. Это—появленіе духовъ для объявленія шаману требуемаго отъ нихъ, а онъ уже передаетъ тѣмъ кому слѣдуетъ и обыкновенно дѣло всегда кончается заколкою оленя, или нѣсколькихъ, вознагражденіемъ самаго шамана и частою неудачею его прорицаній.

Говорятъ, что у нѣкоторыхъ инородцевъ язычниковъ есть въ отдаленныхъ мѣстахъ нѣчто въ родѣ капищъ. — Это шалаши, гдѣ сохраняются истуканы, и туда пріѣзжаютъ инородцы для поклоненія своимъ идоламъ, приносятъ разныя жертвы, колютъ оленей и кровью обмазываютъ своихъ кумировъ, а мясо ѣдятъ тутъ же. — Но капища эти язычники весьма тщательно скрываютъ отъ Русскихъ, особенно когда можетъ пасть подозрѣніе въ идолопоклонствѣ на христіанъ инородцевъ, что съ ними случается не рѣдко; впрочемъ у Самоѣдовъ, упорно коснѣющихъ въ язычествѣ, въ этомъ случаѣ несоблюдается скрытности.—Поклоненія своимъ истуканамъ, которые дѣлаются изъ дерева въ родѣ куклы, съ головою оклеенною оленьюю шерстью и украшенною бисеромъ, а вмѣсто глазъ корольки, ногами, обитыми мѣдью и раскрашеннымъ туловищемъ, они совершаютъ довольно торжественно, въ назначенное время и избранномъ мѣстѣ, гдѣ собирается нѣсколько чумовъ и является шаманъ, ставятъ особый чумъ и покрываютъ его новыми оленинами. Приготовивъ все, шаманъ входитъ въ чумъ и за нимъ одинъ изъ старѣйшихъ Самоѣдовъ, который подаетъ шаману одежду его и тотъ одѣвается; за тѣмъ когда онъ начнетъ свои заклинанія къ духамъ, сопровождавшій его Самоѣдъ идетъ извѣщать своихъ сородичей; старики и пожилые старухи собираются въ чумъ, считаемый чистымъ, а молодые люди и женщины остаются внѣ чума и пляшутъ

противъ него. Эта церемонія иногда продолжается два и три дня и въ это время Самоѣды ничего не ѣдятъ и даже не дозволяютъ лишнихъ разговоровъ. — По окончаніи всѣ цѣлуютъ у шамана руку и испрашиваютъ о будущемъ: удачу въ промыслѣ, здоровье и проч., а шаманъ, цѣлуя въ уста каждого, дѣлаетъ свои предсказанія. — Если предсказанія его не обѣщаютъ удачи въ промыслѣ, то несчастливецъ проситъ помочь и шаманъ тотчасъ же велитъ убить оленя, или собаку и кровью обмазываетъ желающаго счастья и тѣмъ возвращаетъ его въ промыслѣ. — Когда предсказанія шамана не обѣщаютъ здоровья кому либо, то, на вопросъ послѣдняго о способѣ избавленія, шаманъ смотритъ руку его, и потомъ на солнце, или на мѣсяцъ и велитъ убить оленя, бросить его на землю и поклониться солнцу, или мѣсяцу. — Сдѣлавъ всѣмъ присутствовавшимъ предсказанія, шаманъ оставляетъ чумъ и приказываетъ сдѣлать три большихъ болвана ихъ на верху чума и послѣдній кругомъ обгородить лѣсомъ, чтобы онъ сохранился въ цѣлости и ему бы дѣлались всегда поклоненія, и за тѣмъ старшины приносятъ въ даръ шаману четыре, или пять оленей, которыхъ тутъ-же задавливаютъ петлями и начинается пиршество, по окончаніи котораго всѣ расходятся по своимъ чумамъ.

А. Мордвиновъ.